№ 45 DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE Цена 25 сентов

ДЕЛО ТРУДА
ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

МАЙ-ИЮЛЬ 1954 г.

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

30-й год издания

КУДА ТОЛКАЮТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО?

Гонка вооружений, выразившаяся в массовом производстве атомных бомб, привела к тому, что человечество очутилось на краю зияющей бездны. Один неверный шаг, малейшее неправильное движение и все — результаты трудов многих поколений — может быть ввергнуто в преисподнюю. Опасность эту сознают и видят не только идейные противники современного строя, но и многие его сторонники, в том числе и глава католической церкви — папа римский. Даже некотрые из тех, чьими трудами и усилиями создана атомная бомба, требуют нажать на "обратный ход," за что попадают в разряд изменников и предателей. (Случай с физиком Р. Оппенхаймером, медлившим с конструкцией водородной бомбы.)

Нет недостатка в обращении к небу с мольбами о спасении человечества — назначаются специальные "недели молитв." Нет также недостатка в обращении и к тем, кто по словам Некрасова держит в своих руках все громы земные. Но владыки небесные и земные остаются глухи ко всем этим мольбам и просьбам. Правители стран, играющих первую скрипку на международной сцене, не подают никаких надежд на то, что они откажутся от применения адского оружия. Наоборот, все настойчивее подчеркивается ими разрушительная сила бомб. Повидимому, правители нисколько не интересуются ни судьбами населения, ни культурными ценностями: пусть все погибнет, лишь бы восторжествовало то, чего они хотят. А хотят они *единодержавия* в мировом масштабе, так как властелины не терпят соперников. Каждый из них мечтает о том, чтобы другие властелины были у него на побегушках.

Из истории видно, что властолюбие часто граничит с безумием. Особенно это верно в тех случаях, когда власть сосредоточена в руках диктатора. Вожделения кремлевских владык никем и ничем не ограничены. Маленков и Ко по одному лишь щучьему веленью, т. е. исключительно в силу своих личных капризов, могут пуститься на любую авантюру, при чем дело они могут обставить так, что получится: "я — не я и хата не моя." (Пример — Корея: войну там начали большевики, а потом по кремлевским толкованиям вышло, что война в Корее была начата американцами.) В демократических странах власть — теоретически — должна выполнять волю населения. Но это лищь теоретически, а на практике — воля населения проявляется лишь в моменты выборов, да и то под действием агитации, обещаний, задабриваний, подкупов и хитрых подтасовок. В промежутках же между выборами никто не обращает внимания на желания населения. Если бы было иначе, т. е. если бы принимались в расчет чаяния населения, то мы никогда не имели бы ни войн, ни налогов, ни воинской повинности, ни чиновников-взяточников. Демократические правительства во всех своих поступках руководстуются, если не лич-

ными соображениями, как это бывает в странах диктатуры, то соображениями незначительной группы населения, которая руководит всеми хозяйственными делами страны. ("Хозяйственные дела" состоят не только из фабрик, заводов, торговых и разных других предприятий, но также из того, чем занимаются разные Капони.) Так как капиталистическое общество базируется на антагонизмах классов и групп, то само собой понятно, что правительство, выполняя желания одной группы, обычно незначительной, в то же время идет против желания других групп населения. Таким образом, в демократических странах, как и в тоталитарных, в конечном итоге нет совпадения между действиями власти и желаниями широких слоев народа.

Производство атомных бомб и подготовка их применения находятся в руках правительств по обе стороны железного занавеса: они фабрикуются не только в США, но и в СССР. Развязать атаку атомными бомбами при создавшихся условиях это значит совершить акт самоубийства, ибо атака вызовет ответную атаку с противной стороны. Почему же правители рискуют пойти на такой шаг? Его можно объяснить лишь умопомрачением. Кремлевские заправилы руководятся безумием: вся их система, все порядки, правила, программа — сплошное безумие. Безумие же начинает захватывать и противоположный лагерь. Вашингтон все чаще и чаще копирует Москву. Если кремлевским сидельцам день и ночь мерещется мировое господство, то в Вашингтоне доминирующей идеей становится — сметение с лица земли большевиков. Кто первый (большевики или антибольшевики) породил это стремление к истреблению—разбираться в данном случае не станем. Отметим лишь, что цель и средства к ее достижению, намеченные в одном стане, неизбежно порождают то же самое в другом. Оба лагеря охвачены сейчас желанием — "стереть в порошок" друг друга. В результате упрямства Москвы и Вашингтона может пострадать все человечество, ибо атомные бомбы уже перестали быть принадлежностью лишь одного какого-либо государства.

Взрывы атомных бомб уже не измеряются ни временем, ни пространством. По мнению ученых, радиоактивность может подняться в самые верхние слои атмосферы, а затем распространиться по всему лицу земли. Бомба, подвергшаяся испытанию 1 марта с. г. в архипелаге Маршальских островов, принадлежит, по заявлению экспертов, к типу "бэйби," т. е. небольших бомб. Об опыте 1 марта уже много писалось. Говорилось о том, что один из коралловых островов исчез под водою. Говорилсь также довольно подробно, что случилось с японскими рыбаками, находившимися за десятки миль от места взрыва, и о том, как взрыв отразился на рыболовных и фруктовых промыслах. Но многое все еще остается втайне. Лишь недавно выяснилось, что властям пришлось в спешном порядке после взрыва переселить на друргие острова несколько сот туземцев, т. к. их насиженные места оказались пораженными радиоактивной пылью. Пройдет с год времени пока этим туземцам удастся снова вернуться на свои места. Рассказы их не лишены интереса (туземцы послали в ОН петицию с просьбой прекратить атомные испытания в районе Маршальских островов).

На горизонте, — рассказывают туземцы, — вначале вспыхнуло огненное зарево, затем небо покрылось густыми тучами, из которых начал падать на землю горячий пепел, гонимый ветром. К чему этот пепел прикасался, — то было обречено на гибель. На коже начали появляться язвы, стали выпадать волосы, участились рвоты... Всех жителей пришлось эвакуировать, поселить в наспех построенных бараках и установить над ними медицинский надзор. Каковы будут результаты, т. е. выздоровеют ли заболевшие туземцы, покажет будущее.

А ведь бомба, взорванная с испытательной целью, принадлежит к типу "малюток." В распоряжении правительства имеются бомбы, разрушительная сила которых в 125 раз превышает силу "малюток." Если бы взорванная 1 марта "малютка" попала в такой населенный пункт, как Филаделфия, то число убитых, раненых и вообще пострадавших достигло бы, по мнению эскспертов, до 30 миллионов человек. Трудно даже представить себе весь тот ужас, который произошел бы, если бы было сброшено несколько бомб максимальной силы. Утверждения сведующих лиц, что 14 бомб достаточно для того, чтобы умертвить половину населения США, никак нельзя считать преувеличенным. Скорее наоборот. Мир приблизился к тому пределу, когда известное утверждение Леонида Андреева "голый человек на голой земле" кажется благодатным базисом. Но после атомных атак никакого "голого человека" не окажется на голой земле: одни погибнут моментально, другие будут умирать медленно, быть может, проживут еще

несколько лет и, возможно, оставят после себя потомство, которое в свою очередь будет обречено на гибель. "Кровь его на нас и детях наших" — заключительный аккорд атомной бомбы.

От этих страшных евангельских слов начинают приходить в ужас некоторые ученые, которым хотелось бы перенести в область производства атомных бомб принцип о перековке мечей на орала, но... производство бомб находится в руках государства. Оно заставляет ученых, как солдат, копать могилу человечеству. Говорят, что нечто подобное происходило в седую старину, когда изобретенный огонь применялся не на приготовление пищи и обогревание жилищ, а на сожжение домов противника. Но тогда гибли постройки, а нынешние бомбы грозят погубить род человеческий, в том числе и тех, кто их изобрел.

Спасение от всех этих кошмаров могло бы явиться лишь в том случае, еслибы не население зависело от правителей, а наоборот: правители от населения, т. е. если бы восторжествовал анархизм. Как никогда прежде, ныне чувствуется сильная потребность в безвластии, ибо с большей убедительностью выясняется, что власть — учреждение не только лишнее, но и вредное. Нависшая опасность даже слепым должна открыть глаза на то, что о благе населения никто, кроме самого населения, не позаботится. Население нужно правителям постольку, поскольку солдаты нужны генералам.

Находятся люди, полагающие, что в результате атомной войны погибнут большевики и на земле воцарится тишь да гладь да божья благодать. Увы, эти иллюзии не осуществимы. Победы над большевиками еще нет, а в стане демократии уже идет такая свистопляска, что, как говорится, хоть святых выноси. Сенатор МэкКарти, засучив рукава, готов одинаково драться, как с большевиками, так и с теми, кто с ним не соглашается, независимо от того, к какой партии они принадлежат. Яблоко раздора — *власть* — останется и после победы над большевиками, если допустить, что победа возможна, и за это яблоко всегда будет идти борьба с применением соответствующих видов оружия.

Мир на земле мог бы установиться лишь тогда, когда не было бы *никакой власти*. Без власти Ивану Грозному и Петру Великому не пришлось бы убивать собственных сыновей, Екатерине Великой — удушать своего мужа, Александру I — своего отца, а Сталину не пришлось бы казнить почти всех своих соратников. Все умерли бы своей естественной смертью, ибо места на земле для всех хватает. Испокон веков борьба идет за власть. Нынешний кризис больше всего, если не исключительно, объясняется борьбою за власть. Все политические противники большевиков облачаются в доспехи борцов исключительно с тем расчетом, чтобы после свержения большевиков получить командные посты. Если бы они на это не надеялись, они палец о палец не ударили бы в процессе антибольшевистской кампании. У этих людей в большинстве случаев никаких общественных идеалов нет, интересы и нужды населения их нисколько не интересуют, их цель — занять место красных диктаторов.

Долгожданный и желанный мир во всем мире наступит лишь тогда, когда исчезнет яблоко раздора — прельщающая власть человека над человеком.

Ю. К.

Если бы все рабочие и не видели ясно того, что работами на землях капиталистов и на их фабриках они дают капиталистам возможность пользоваться произведениями труда своих братьев и потому нарушают этим закон взаимности, или если бы и видели, но по нужде не имели бы сил отказаться от такой работы, то всетаки воздержание от таких работ, хотя и некоторых, затруднив капиталистов, улучшило бы сейчас же общее положение рабочих. Воздержание же от прямого участия в деятельности капиталистов и правительства в должностях надсмотрщиков, приказчиков, сборщиков податей, таможенных и других, явно противных закону взаимности, еще более улучшило бы положение рабочих, если бы даже и не все были в силах воздержаться от такой деятельности. Отказ же рабочих от участия в войсках, имеющих целью убийство—поступок самый противный закону взаимности, — в последнее время все чаще и чаще направляемых против рабочих, уже совершенно изменил бы к лучшему положению рабочих.

Л. Н. Толстой.

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ "ДЕЛО ТРУДА-ПРОБУЖДЕНИЕ."

"КОЛЛЕКТИВНАЯ ДИКТАТУРА"

Интернациональная социалистическая литература богата разработками многих спорных проблем, как классовая борьба, социальная революция, диктатура пролетариата, переходный период и т. д.; менее важные вопросы давно уже освещены социалистическими теоретиками и по ним существуют определенные формулировки. Однако, ни одна из указанных проблем не породила в социалистическом движении разных стран столько разногласий, группировок и фракций, сколько проблема "диктатуры пролетариата." Она остается спорной и по настоящее время, несмотря на ее практическое осуществление в России.

В русской социалистической литературе, например, очень часто можно встретить сторонников и противников "диктатуры пролетариата." Характерно, что те и другие считают себя последовательными марксистами и в своих выступлениях всегда ссылаются на своего учителя Карла Маркса. Большевики указывают, что в произведениях Маркса есть точные и определенные указания на то, что историческая миссия рабочих всех стран состоит в революционном захвате политической власти и установлении "диктатуры пролетариата." А меньшевики, наоборот, выставляют противоположную идею Маркса, считающую, что рабочий класс добьется своего освобождения только мирным, эволюционным путем. Здесь, конечно, не может быть речи о том, кто прав или неправ. Большевики разрешили проблему в свою пользу, захватив государственную власть и установив диктатуру.

В первые годы революции эта диктатура выразилась в нераздельном господстве большевистской партии, вернее, ее идейных и политических вождей — Ленина, Троцкого и др., а после смерти Ленина и ликвидации Троцкого диктаторский пост, как известно, занял Сталин. Он окружил себя послушными и надежными сторонниками, возвеличивавшими и обожествлявшими нового диктатора. В течение многих лет в коммунистической прессе и литературе неустанно раздувался культ личности Сталина. Но после смерти Сталина его имя стало упоминаться все реже и реже и его политические наследники запретили даже писать о нем, как единодержавном диктаторе. В настоящее время культ личности больше не превозносится в России; индивидуальная диктатура упразднена и вместо нее введена "коллективная диктатура," т. е. власть нескольких лиц.

Поворот большевиков в сторону коллективной диктатуры не означает, понятно, ослабления или смягчения диктаторской власти, ибо всякая диктатура, независимо от ее названия или формы, всегда представляет неограниченную власть, насилие и террор. Известно, что "диктатура пролетариата" в России практически вылилась в диктатуру над пролетариатом и остальным населением, и теперешняя коллективная диктатура, означающая власть нескольких диктаторов, является ее естественным продолжением.

В течение более 30 лет на почве диктаторской власти в России выросла новая каста властителей и бюрократов, подавляющая всякую свободную мысль, инициативу и самодеятельность трудового народа. Политически и морально испорченная, эта господствующая каста заинтересована только в сохранении своей власти. Но давно уже известно, что власть и свобода несовместимы. Эта истина, которую не раз повторяли такие великие мыслители и борцы, как М. Бакунин, П. Кропоткин и Л. Толстой, наглядно выявилась в исторической жизни русского народа: власть царей и власть большевиков — символ порабощения народа. Во имя власти и диктатуры всегда проделывались самые худшие беззакония, жестокости и несправедливости.

Но никакая власть в мире не может считаться долговечной .В круговороте истории формы власти постоянно меняются, а в периоды брожений и революций основы власти или диктатуры подвергаются опасности и часто разрушаются, чтобы уступить место новой, свободной жизни. И хотя победа свободы и безвластия в России не так близка, но влияние гуманитарных и свободных идей, подобно вечно бегущим потоком воды, уже подтачивает фундамент большевистского режима и приближает время его крушения.

Л. Липоткин

Рассуждения и обещания богословские, государственные и научные сулят блага рабочим: одни — на том свете, другие — на этом, но в далеком будущем, когда сгниют кости тех, которые живут и страдают теперь; исполнение же закона о делании другим того, что хочешь, чтобы тебе делали, сейчас же несомненно улучшает положение рабочих. — *Л. Н. Толстой.*

ПРОБЛЕМЫ АМЕРИКАНСКОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Общее значение земледелия

Издревле земледелие служило основой человеческой жизни. Таковым оно остается и поныне, ибо дает человеку необходимые продукты питания. С ростом населения охота на диких животных и птиц, а также рыбная ловля постепенно утрачивали свое первоначальное значение, как главные источники питания, и возделывание земли (культирование или выращивание зерен травяных злаков и корнеплодов) приобретало все большее значение, располагая к более оседлому образу жизни. Из века в век земледелие расширялось и медленно улучшалось. Запасы зерна в той или иной мере обеспечивали пропитание семьи, рода или племени. Наряду с улучшением земледелия шло развитие человеческого общества, постепенно расширявшего свои прикладные знания, из коих впоследствии развились науки, искусства, промышленность и техника, которые в свою очередь способствовали развитию земледелия, улучшению методов обработки и борьбы с многочисленными вредителями, нахождению новых удобрений, повышению урожайности хлебных злаков, овощей и фруктов и сохранению их, как запасов пищи. Все это с одной стороны облегчало труд земледельца, а с другой — повышало его производительность.

Например, сто лет назад, согласно данным исследователей, один земледельческий рабочий мог произвести достаточно продуктов, чтобы прокормить в течение года 5 человек, в 1910 году — 8 человек, а в 1950 году — он мог не только прокормить, но и одеть 15 человек. Повышение производительности труда с-х рабочих стало возможным потому, что к земледелию стали применять новые химические препараты, которые повышают урожайность, улучшают качество урожая и облегчают борьбу с вредными насекомыми, клещами, грибками, тлей и сорняками. Отмечают, что био-химия повысила урожайность на две-трети, а техника (механизация обработки) — на одну-треть. Отсюда вытекает стремление к введению в земледелие научных методов обработки и механизации сельского хозяйства. Но последние требуют больших затрат ,что не по силам для мелких фармеров. По этой причине механизируют свои фармы и вводят научные методы лишь крупные землевладельцы или предприимчивые группы капиталистов, которые организуют фармерские корпорации и с помощью опытных агрономов, техников, био-хемиков и ряда других специалистов прибыльно эксплоатируют те или иные отрасли сельского хозяйства. Высокая механизация с-х производства ведет к повышению прибылей крупных хозяйств и обеднению мелких фармеров, выталкиваемых в ряды промышленных рабочих.

Процесс укрупнения

За два последних десятилетия традиционные американские фармы семейного типа стали быстро исчезать и заменяться новым типом фарм — огромных размеров. Эта трансформация имеет много причин. Одной из них была острая экономическая депрессия, разразившаяся в начале 30-х годов и охватившая всю страну. Она явилась начальным пунктом кризиса американского земледелия, когда сотни тысяч фармеров потеряли свои фармы, несмотря на отчаянное сопротивление: они срывали аукционные торги, вешали чучела судей, предназначавших распродажу с молотка их имущества за неустойку по выплате закладных банкам, страховым или финансовым компаниям, или ростовщикам; они выкорчевывали фруктовые деревья, разливали молоко на больших дорогах и сжигали зерна хлебных злаков в печах, как топливо, ибо спекулянты, пользуясь бедственным положением фармеров, забирали у них продукты почти даром, а в некоторых случаях требовали от них еще и доплаты... Большего издевательства, кажется, и придумать нельзя было!.. Свыше МИЛЛИОНА фармерских семейств очутилось на "релифе," т. е. на унизительных подачках от властей, с помощью которых финансовый капитал, зажав фармеров в тиски, обобрал их до нитки и опролетаризировал их.

Последовавшая затем правительственная помощь не улучшила положения ни фармеров, ни рабочих. Только новая война, когда было мобилизовано 20,000,000 человек для несения военной службы, а другая огромная масса трудоспособных мужчин и женщин стали выделывать в колоссальном размере орудия разрушения и самоистребления, — принесла пресловутое "процветание," процветание на человеческой крови и на умышленном разрушении всего, что было создано человеческим гением и трудом в течение веков. Таким образом оказалось, что в капи-

талистическом обществе только война смогла ликвидировать безработицу и помогла фермерам изжить хронический кризис, так как фермеры стали производить не только для внутреннего рынка, но и для экспорта с-х продуктов в истощенные, полуголодные союзные страны, разрушенные войной.

Отсюда мы видим, что депрессия была одной из основных причин кризиса американского земледелия, который ощущается и поныне .Другой не менее важной причиной снижения количества мелких фарм и возрастания крупных хозяйств послужил технологический прогресс, который способствует введению научных методов обработки и высокой механизации с-х производства. Она не по карману для бедняков и не применима на небольших клочках земли. Следует также отметить, что огромный спрос (во время войны и вслед за ее окончанием) на с-х продукты усилили механизацию сельского хозяйства, которая позволяет обрабатывать землю и собирать урожаи гораздо меньшим количеством рабочих рук. Большое значение имеет и правительственная политика искусственного поддержания высоких цен на с-х продукты. Все это, вместе взятое, способствует укрупнению американских фарм, их механизации, понижению числа фермерских рабочих и повышению с-х производства, которое правительство пытается понизить посредством ограничения посевной площади тех или иных с-х культур. Это планированное с-х производство ведется с 1933 года, когда оно впервые было введено покойным Рузвельтом.

Начиная с этого (1933) года и кончая 1953 годом, число семейных фарм уменьшилось на 1 миллион единиц и количество фермерского населения снизилось на 6 млн. человек или на 20 процентов. За тот же период число фарм, размером от 500 до 1000 акров увеличилось на 40%, а число фарм, размер которых превышает тысячу акров, увеличилось на 80 процентов, согласно опубликованным официальным данным.

Количество Фарм

Статистические данные свидетельствуют, что в 1940 г. насчитывалось свыше 6 млн. фарм в 1,060 млн. акров, а в 1950 г. — более 5 млн. фарм в 1,158 млн. акров или 60% земельной площади США. Отсюда видно, что за десятилетие посевная площадь увеличилась почти на 100 млн. акров, но число фарм снизилось больше чем на 700,000 единиц, а за 30 лет оно уменьшилось на 1,066,180 единиц, хотя за этот период распашка земли увеличилась более чем на 200 млн. акров. Снижение количества мелких фарм и увеличение посевной площади указывают на все возрастающую роль крупных фарм, число которых значительно повысилось.

По переписи 1940 г. число мелких и средних фарм, размером меньше 180 акров, составляло 9,9 млн, а к концу 1953 г. снизилось до 4,1 млн. единиц. Число фарм, размером больше 180 акров, увеличилось за тот же период на 60,000 единиц и достигло 1,269,000. Число фарм, имеющих меньше 15 дойных коров или меньше 200 куриц, как и число фарм, где засевают меньше 100 акров кукурузы или меньше 25 акров овса, становится все меньше и меньше .Совсем исчезают фармы, размер коих меньше 10 акров.

Количество с-х рабочих

В 1940 году на американских фармах работало 11,671,000 человек, из коих владельцы фарм, арендаторы и работающие члены их семей составляли 8,866,000, а остальные 2,805,000 — наемные рабочие; в 1950 году работало 10,351,000 человек, из коих 8,043,000 составляли первую категорию, а 2,308,000 — вторую. Иными словами, за десятилетие число с-х рабочих снизилось на 1,320,000 человек. За тот же период фермерское население уменьшилось почти на 5 млн. душ; в 1950 году оно составляло 24,335,000 против 29,047,000 в 1940 году.

В 1940 г. американские фармы обрабатывались под руководством более 3 млн. собственников; 615,000 партнеров; 36,350 управляющих; 2,360,000 арендаторов и 540,000 "шэйр-кропперов" (люди, обрабатывающие фармы за часть урожая). В 1950 году число собственников фарм почти не изменилось, число партнеров достигло 824 тысяч, число управляющих упало до 23 тысяч, число арендаторов снизилось почти на половину — 1,444,000, число "шэйр-кропперов" уменьшилось до 346,000.

Из вышеприведенных официальных данных видно, что с каждым годом количество мелких фарм все убывает и вместе с ним уменьшается фермерское население и число рабочих рук, но зато повышается число крупных фарм.

Урожайность и политика цен

Следует отметить еще одно интересное явление: за период 1931-1953 гг. население США увеличилось на 29%, продовольствен-

ное потребление возросло лишь на 11%, но производство с-х продуктов повысилось на 38%. Например, до войны средний урожай пшеницы составлял 10 бушлей с акра, а кукурузы около 24 бушлей, ныне же средняя урожайность соответственно — более 14 и около 38 бушелей с акра; средний урожай хлопка давал 220 фунтов с акра, а табака — 883 фунта, ныне же их средняя урожайность — 274 ф. и 1,259 ф. Животноводческая продукция тоже повысилась на 38% в течение вышеупомянутого периода.

Урожайность и продукция все время повышаются, несмотря на то, что количество с-х рабочих с каждым годом понижается. За упомянутый период число их снизилось на 4 млн. или на 30%. Высказываются предположения, что в течение следующих 20 лет число с-х рабочих сократится еще на 700,000 или на 6%, распашка земли увеличится тоже на 6% или на 23 млн акров, а продукция повысится на 28 процентов.

Производство с-х продуктов находится под строгим контролем федерального правительства: оно планирует и ежегодно указывает фермерам количество акров, которые могут быть отведены под те или иные с-х злаки. Но, благодаря все повышающейся урожайности, ежегодно получаются излишки продуктов земледелия. Внутренний рынок не может поглотить их по высоким ценам, которые из года в год правительство поддерживает крупными субсидиями. Поэтому оно обязано скупать излишки пшеницы, кукурузы, хлопка, табака, ржи, овса, риса, молока, масла, сыра, яиц, растительного масла, бобов, шерсти, орехов и прочих продуктов земледелия, выдавая фермерам ссуды с 10% скидки на "справедливые цены," если последние понижаются на вольном рынке.

Благодаря политике искусственных цен, крупные землевладельцы превращаются в поставщиков с-х продуктов не для рынка, а для правительства, которое, гарантируя высокие цены, обязано забрать всю их продукцию, уплатить наличными, перевезти на склады и хранить. Вместо перевозки и хранения на складах, требующих добавочных расходов, закупленные продукты правительство может либо уничтожить на месте, либо передать их в пользование собственника, в качестве кормов для скота за ничтожную плату — по 1 сенту за бушель.

Все эти правительственные затраты делаются для того, чтобы на внутреннем рынке поддерживать высокие цены на продукты питания. Но вследствие изобилия с-х продуктов, оптовики отказываются платить фермерам гарантированные правительством цены, поэтому последнее закупает излишки и хранит их на складах для того, чтобы потребители платили максимальные цены, какие только могут сорвать с них розничные торговцы. В результате оптовые цены понижаются, а розничные повышаются. По данным бюро "Дон и Бродстрит" стоимость 31 сорта съестных продуктов в количестве 1 фунта составляла в марте 1953 г. — 6 д. 28 с., а ныне — 7 д. 27 сентов.

Излишки

До уборки урожая 1953 года американское правительство имело на складах огромные запасы с-х продуктов: 470 млн. бушелей пшеницы, 540 млн. бушелей кукурузы, 160 млн. фунтов сливочного масла, 1 миллиард фунтов постного (растительного) масла и многое другое — стоимостью на 3 миллиарда долларов. За одно только хранение этих многочисленных продуктов на частных складах правительство платило по 400,000 долларов в день.

На 15 ноября правительство имело на складах пшеницы на 1 миллиард долларов с лишним и кукурузы на 745 млн. д., затем много масла, сыра, молочного порошка, хлопкового масла, бобов, фасоли, овса, ржи, хлопка, семян разных трав... Закупки излишков продолжались и к концу года их было закуплено на 2,500 млн. д.: пшеницы на 1,900 млн., кукурузы — 846 млн., хлопка — 529 млн., табаку — 223 млн., сливочного масла — 200 млн., сыра — 180 млн., хлопкового масла — 160 млн., других с-х продуктов — 537 млн. долларов.

Теоретически фермеры имеют выбор: они могут либо продать выращенные ими продукты на вольном рынке, либо передать их правительству, когда цены снижаются, и получить от правительства заем на 10% ниже паритета. Если цены повышаются, фермер волен продать заложенные под заклад продукты и выплатить правительству заем с процентами, в противном случае правительство списывает заем со счетов и превращает займы в расходы на закупки с-х продуктов, которые либо портятся от долгого хранения и выбрасываются, либо за бесценок сбываются заграницу, но не попадают на стол бедняка-американца.

Ныне правительство держит на складах свыше 300 млн. фунтов сливочного масла, стоимостью в 200 млн. д. с лишним. Так как

масло вследствие безмерно вздутых цен не доступно для бедняков, то огромная масса потребителей вынуждена отказаться от употребления масла в пищу и заменяет его дешевым маргарином. Точно также обстоит дело и с другими пищевыми продуктами.

Для поддержания искусственных цен на пшеницу правительство убрало с вольного рынка свыше 800 миллионов бушелей, закупив 454 млн. и выдав займы на 352 миллиона. Еженедельно хлопковые плантаторы передают в руки правительства по 300,000 тюков. Исчисляют, что к концу июля текущего (1954) года излишки хлопка достигнут 9 млн. тюков, тогда как в прошлом году излишки составляли 2 млн. тюков. Излишки кукурузы, хлопка, сливочного масла и т. д. быстро поглощают ассигнованные суммы на поддержку икусственных цен. Накопляются все большие запасы овса, риса, шерсти и пр. Огромные запасы сыра все увеличиваются. Скопилось громадное количество яичного порошка, которому не находят применения, почти две-трети продукции постного масла... всего — на 6 миллиардов с лишним.

В своем послании Конгрессу от 7 января с. г. президент Эйзенхауэр, говоря о состоянии союза, заявил, что ассигнованные Конгрессом 6,750 млн. д. на поддержание искусственных цен на с-х продукты почти исчерпаны. Поэтому в новом послании от 11 января президент потребовал дополнительных ассигновок в полутора миллиардов долларов. Заявление Эйзенхауэра лишний раз подтверждает, какое огромное количество с-х продуктов правительство обязано закупать для удержания высоких цен на продукты питания.

С 1 июля 1953 г. по май 1954 г. правительство сбыло, обменяло или отдало бесплатно на 900 млн. д. излишков сех продуктов, но осталось на складах еще на 6,200 млн. д. Начиная же с 1933 г. и кончая июнем 1953 г., правительство потеряло 7,500 млн. д., которыми поплатились американские потребители, как налогоплательщики.

Фармерские доходы

В самый благоприятный 1929 год, когда в четвертом квартале началась депрессия, доходы американских фармеров достигли почти 14 миллиардов долларов, в 1932 году их доходы упали на половину, а в 1940 г. — едва достигли 11 миллиардов. В течение Второй мировой войны доходы фармеров удвоились и в 1945 г. достигли 25 миллиардов. Таким образм оказалось, что война помогла американским фармерам изжить хронический кризис, так как производили они не только для внутреннего рынка, но и для экспорта в разрушенные войной союзные страны.

Применение новых машин, новых удобрений и новых средств борьбы с паразитами значительно повысило урожайность, что способствовало усилению экспорта американских с-х продуктов, который по окончании войны в 1945 г. увеличился в четыре раза по сравнению с 1939 годом. Затем последовавшая во второй половине 1950 года война в Корее тоже стимулировала производство, так как американское правительство решило оказывать финансово-экономическую помощь многим другим правительствам в Европе, Азии, Африке и Южной Америке. Поэтому добрая доля ассигнованных сумм в пользу союзников пошла на уплату фармерам за с-х продукты, а фабрикантам — за товары.

Фармерские доходы в 1949 г. составляли 28 миллиардов с лишним, в 1950 г. — 28,770 млн. д., в 1951 г. — 32,790 млн. д., в 1952 и 1953 гг. — по 37 млр. д. Эти валовые доходы, составившиеся от продажи с-х продуктов, после уплаты налогов и вычета расходов, затраченных на ведение хозяйства, снижаются более чем на половину. Поэтому чистый доход фармеров в 1930 г. составлял 2 миллиарда, в 1935-39 гг. — 4,600 млн. д., в 1946 г. — 14,200 млн. д., а в последующие годы — то ниже, то выше 14 млр. долларов. Из доходов у фармеров составились сбережения в 20 млр. долларов, из коих 5 млр. в правительственных облигациях и 15 млр. — наличными или в банках — сумма вполне достаточная, чтобы покрыть всю фармерскую задолженность, которая в последнее время стала увеличиваться, т. к. цены на с-х продукты падают, а на промтовары повышаются.

Американские экономисты объясняют это несоответствие опереживанием роста с-х продукции над приростом населения: с 1940 г. по 1950 г. население США увеличилось на 15%, а с-х продукция повысилась почти на 23%. Это объяснение далеко от истины, т.к. опереживание не имеет никакого влияния на политику цен: ведь розничные цены на продовольствие не понизились, а повысились, хотя фармеры с каждым годом получают за свои продукты все меньше и меньше.

Доля фармеров

Как известно, фармеры, начиная с 1913 г.

и кончая 1919 годом, получали не больше 45 сентов из каждого потребительского доллара, затраченного на с-х продукты; с 1920 года по 1942-й доля фермеров еще больше снизилась и дошла до 33 сентов. Но во время войны фермеры получали за свои продукты 54 с. потребительского доллара, а по ее окончании эта доля начала снижаться; ныне фермеры получают в общем не более 45 с. из потребительского доллара, а остальные 55 с. забирают услужливые посредники и процессоры-передельщики, перерабатывающие сырые продукты.

Наибольшую выручку фермеры получают за яйца, масло, говядину, свинину и птицу. На этих продуктах доля фермера составляет две-трети потребительского доллара, а на остальных — то половину, то треть, то четверть, то пятую, шестую и т. д. части. Например, по исчислениям спецов, на фунтовой булке хлеба, за которую потребитель платит 17 сентов, доля фермеров составляет 2,5 сента, а остальные 14,5 с. забирают процессоры: владельцы мукомолен, размалывающие зерна пшеницы в муку и отсеивающие из нее витамины, хозяева пекарен, выпекающие хлеб, перевозчики муки и хлеба и, наконец, лавочники, продающие выпеченный хлеб потребителям. В процентном отношении доля фермера, положившего свой труд на удобрение и обработку земли, посеявшего семена пшеницы, а затем — скосившего и обмолотившего пшеницу, отвеявшего плевелы и мякину от полновесных зерен, просушившего их и свезшего в зернохранилища, составляет около 15%, а остальные 85% идут в карманы перерабатывателей. Незначительна доля фермеров из потребительского доллара, затрачиваемого на овощи и фрукты.

Фермер, выращивающий хлопок, получает из потребительского доллара, затрачиваемого на хлопчато-бумажные изделия, 13 сентов, а остальные 87 с. получают в той или иной доле перевозчики, текстильные фабриканты, владельцы пошивочных мастерских, лавочники, рекламные фирмы, посредники и правительство. Фермеры, выращивающие табак, получают с пачки папирос в 25 сентов — менее 3,5 с., скупщики листового табаку и фабриканты папирос — более 3,5 с., федеральное правительство — 8 с., штатные правительства — 2-3 с., оптовые и розничные торговцы — 5-7 сентов. Затем фермеры, скупщики, фабриканты и торговцы платят подоходные налоги: фермеры, не пользующиеся наемными рабочими, на трудовые доходы, а остальные — на прибыли. В конечном счете выходит, что львиную долю получает правительство.

Фермерские группы

Приведенные данные свидетельствуют, что доходы фермеров не так уж велики по сравнению с другими группами населения и что дороговизна жизни всецело обязана алчности многочисленных посредников, прикладывающих свои руки к продуктам сельского хозяйства, а также вследствие высоких правительственных налогов. Кроме того, фермеры, как группа земледельцев, рознятся по своему экономическому состоянию: среди них есть богатые, есть зажиточные, а огромное монжество — бедняки. Чтобы доказать это, приведем официальные данные.

По переписи 1950 г. было установлено, что в 1949 г. в США насчитывалось *5,379,250* отдельных фарм, из коих *3,706,412 — коммерческие фармы,* а остальные 1,672,838 фарм работали главным образом для удовлетворения собственных потребностей фармеров. В том же 1949 г. фермеры продали с-х продуктов на *22,279,562,000 д.*, что составляет в среднем — 4,400 д. на каждую фарму. Но... из упомянутой суммы *коммерческие фармы* получили *21,713,216,000 д.*, что составляет в среднем — *5,853 д. на каждую коммерческую,* а *некоммерческие фармы* выручили 566,346,000 д., что составляет в среднем — *меньше 340 д. на каждую.* Ясно, что на 340 д. годового дохода фармеру очень трудно свести концы с концами, а таких фармеров — *полтора миллиона* с лишним.

Той же переписью 1950 г. установлено, что *103,230 фарм (1,9%* из всех фарм США) имели доход свыше 25,000 д. каждая и за свои продукты получили вместе *5,706,904,000 д., или 26% общефармерского дохода,* что составляет в среднем — 56,058 д. на каждую. Другие *381,150 фарм (7,1%)* с доходом от 10 до 25 тысяч долларов получили *5,517,034,000 д., или 24,8% общефармерского дохода,* в среднем — по 14,475 д. на каждую. Иными словами, *9% фарм (484,382 землевладельцев) получили свыше половины общефармерского дохода в 1949 году, а 91% фарм (свыше 4,5 миллионов мелких землевладельцев, арендаторов и шэйркропперов) получили меньшую половину.* Средний доход последних — 2,200 д. в год на каждую, а фактически годовой доход многих из них не превышает 200 долларов.

Президент Эйзенхауэр в своем послании

Конгрессу от 11 января с.г. говорит, что правительственную помощь (в деле искусственного поддержания высоких потребительских цен) получают главным образом *владельцы 2 млн. высокомеханизированных фарм, дающих 85% с-х продукции,* а для остальных 3,5 млн. фармеров, чья продукция составляет 15% общенациональной, помощь эта либо ничтожна, либо совсем не доходит, так как мелкие фармеры не могут сократить число обрабатываемых ими акров земли и получить за это правительственное пособие. Из этого вытекает, что *правительственные субсидии фармерам и закупка излишков на средства налагоплательщиков, выколоченные главным образом из беднейших слоев населения, выгодны для богатых фармеров,* а для мелких фармеров — бесполезны, ибо никакого облегчения им не приносят.

Выводы

В заключение изложения о проблемах землевладения приходится сказать следующее: при капитализме — частном или государственном — проблемы сельского хозяйства, как и проблемы промышленности, не могут быть правильно разрешены, потому что обе системы в корне своем порочны и ложны, так как основаны на эксплоатации человека человеком. Обе они — американская и советская — имеют много общего, но в то же время и разнятся друг от друга.

Разрешить правильно проблемы земледелия и промышленности может только переустройство существующего порядка вещей на свободных кооперативных началах. Тогда не будет нынешних "излишков" с-х продуктов, на закупку которых Конгресс ассигновал 8,500 млн. д., как и не окажется перепроизводства товаров, которое капитализм уничтожает войной. Тогда наступит *довольство для всех,* которого лишены беднейшие слои населения, выносящие на себе всю тяжесть государственного корабля и доставляющие пресыщение господствующему классу. И тогда оправдается лозунг: от каждого по способностям и каждому по потребностям.

К. Филипович

Тремя путями можем мы придти к мудрости: во-первых, путем размышлений, это путь самый благородный; во-вторых, путем подражания, это путь самый легкий; в-третьих, путем опыта, это путь самый тяжелый. — *Конфуций.*

Неужели это так надо?

...Одни придумывают, что бы им сделать, чтобы занять свое праздное время, другие же не успевают обчиститься, обмыться, отдохнуть, слово сказать, повидаться с родными. Одни читают на четырех языках, веселяться каждый день самыми разнообразными увеселениями, другие совсем не знают грамоты и не знают другого веселья, кроме пьянства. Одни все знают и ни во что не верят, другие ничего не знают и верят во всякий вздор, который им скажут. Одни, когда заболевают, то, не говоря о всех возможных водах, всяком уходе, всякой чистоте и лекарствах, переезжают с места на место, отыскивая самый лучший целебный воздух, другие ложатся в курной избе на печку и с непромытыми ранами, отсутствием всякой пищи, кроме сухого хлеба, и воздуха, кроме зараженного десятью членами семейства, телятами и овцами, гниют заживо и преждевременно умирают. Неужели это так надо?

Если есть высший разум и любовь, руководящие миром, если есть Бог, то не мог он хотеть, чтобы было такое разделение между людьми, чтобы одни не знали, что делать с избытком своих богатств, и швыряли бы без толку плод трудов других людей, а другие бы чахли и преждевременно умирали, или жили бы мучительной жизнью в непосильной работе.

Если есть Бог, то это не может и не должно быть. Если же нет Бога, то с самой простой человеческой точки зрения такое устройство жизни, при котором большинство людей должно губить свои жизни для того, чтобы малое число пользовалось избытком, который только затрудняет и развращает это меньшинство, — такое устройство жизни нелепо, потому что для всех невыгодно.

Понятно, что богатые люди, привыкшие к своему богатству и не видящие ясно того, что богатство не дает счастья, стараются удержать свое положение. Но зачем то огромное большинство, в руках которого всякая власть, зачем это большинство, полагая счастье в богатстве, живет в нужде и подчиняется меньшинству? В самом деле, зачем все те сильные мускулами и мастерством и привычкой к труду люди, — огромное большинство людей, — подчиняются, покоряются горсти слабых людей, большей частью ни на что не способных, изнеженных стариков и, главное, женщин? — *Л. Н .Толстой.*

ШАПКА МОНОМАХА

Которому из близнецов принадлежит право на первенство? Ориентироваться в этом вопросе нелегко даже для присутствующих при родах, а тем более для юриста или правозаступника, когда он, спустя много лет, должен присудить наследство одному из выросших близнецов. Еще более затруднительно отметить первенство у *сиамских* близнецов — тех, кого видишь в постоянной прикрепленности друг к другу в одной непрекращающейся неразделимости... По ассоциации здесь выплывает образцовый софизм о соподчиненности во взаимоотношении между *яйцом и курицей:* было ли первым яйцо, а из него вылупилась первая курочка, или в начале была курица, и она-то снесла первое яичко?..

Не исключена возможность, что ввиду недостаточной исторической и логической ориентации какой-нибудь простолюдин или школьник первого класса станет перед вопросом, как неразрешимой загадкой: приобрел ли Александер свое имя "Невский" потому, что был родом из окрестности реки Невы или река Нева приобрела сие имя потому, что Александр Невский осчастливил ее своим рождением у ее вод? Не исключена эта предполагаемая возможность именно потому, что оба имени эти: Александр и Нева прикрепились друг к другу в обиходной речи, как сиамские близнецы. Такая же обоюдная прикрепленность существует и в изречении "Шапка Мономаха," вошедшего на правах поучительного афоризма в народный русский говор. Никогда и нигде не увидишь какого-либо Мономаха, ни одного из тех, у кого амбиция владычествовать, без "Мономаховой Шапки" на его голове, как никогда не увидишь "Мономахову Шапку" в резервном, выжидательном состоянии, т. е. не надетой на голову какого-либо Мономаха и не служащей короной, его удостоверением на владычество...

Такой как бы тайный, постоянный и повсеместный союз существует и действует между этой "шапкой" и *бичем:* коль скоро "шапка" над головой Мономаха, последний держит и владыческий бич в своей руке, считая себя полноправным избранником Бога или даже самого народа для угнетения порабощенных.

"Шапка Мономаха" символизирует *право* на власть, а сам Мономах, прикрывающий свою голову этой "шапкой," присваивает себе это право.

Народ, при свойственном ему *философском* подходе ко многим жизненным явлениям, обычно склонен видеть в ряде трагических для него фактов — *театральное* представление: войну он именует *"театром* военных действий." Поэтому не удивительно, что и в Мономаховом выступлении на сцену, но не без "шапки" на голове, он видит *театралию* — коми-трагическую театральную игру, хотя она из ряда вон выходяща по сравнению с иными театральными играми, следующими одна за другой после перерыва для отдышки; Мономахово выступление — совершенно *непрекращающаяся* игра, она отличается от всяких других театральных представлений тем, что в ней актерские облачения — "шапка" никогда не выветривается, не чинится и не обновляется: ушел один Мономаховский актер и в миг является другой, а "шапка" сейчас же перескакивает с головы на голову... Только один раз в русской истории, в период *междуцарствия,* находим перерыв, паузу в сплошном Мономаховстве, когда дана была театральному гардеробу возможность проветрить Мономахову шапку пока возобновится прекращенная игра в народном предводительстве... А кто виноват в этой странной Мономаховской игре?

Если до окончательного, исчерпывающего разбора обвинительного материала посадим на скамью подсудимых не только Мономаха и его шапку, но и преклоняющийся перед ним народ, т.е. не только угнетателей, но и самих угнетенных, то на кого из них будет положена *прямая* и на кого косвенная ответственность? Найдется ли защитник, которому удалось бы "выгородоить," "спасти" хоть одного из трех обвиняемых, объявив его "невменяемым," лишенным способности быть ответственным за свое поведение?

Правда, вначале, до более глубокого проникновения в суть разбираемого "дела," проще и легче считать, что первые места на скамье подсудимых должны быть отведены для Мономаха и его шапки, а что касается третьего подсудимого — угнетенного народа, то вначале привлечем его к вспомогательной роли на суде, как *свидетелей* со стороны обвинения. В процессе судоразбирательства окажется необходимым превратить этих свидетелей в обвиняемых, хотя они-то будут

посажены *последними* на скамью подсудимых.

Не желай угнетенный народ быть угнетенным, прояви он лишь *пассивное* сопротивление Мономаху и его шапке в самый первый момент их нашествия на него, — не было бы Мономаху и его шапке никакой удачи. Всякое пассивное сопротивление есть не что иное, как маска над внутренней тягой сопротивляющегося. И со всяким таким сопротивлением происходит нечто подобное процессу бледнения: сначала — чуть розовое сопротивление, а скоро после этого — бескровная белизна, апатия, отсутствие всякого желания участвовать в актах насилия. Последнее свидетельствует о неосознанном состоянии собственной угнетенности...

На мазохической почве вырастают садисты. Мономах и его бездушная шапка приобретают способность чувствовать и заранее знать, где и когда ждет их удача. Есть определенная постепенность в проявлении тяги к угнетателю со стороны мазохических угнетенных: угнетенный всегда помогает угнетателю стать владыкой и повелителем над самим собою.

Между древне-славянским обращением к Рюрикам: "Приходите княжить и владеть нами" и массовым германским преклонением (во время Вильгельма Теля) перед *пустой* шапкой властелина, когда голова последнего даже не была в ней, есть много общего, разница лишь в степени, но сущность одна и та же. Будем справедливы и к противникам: ведь Рюрик не без основания мог бы оправдываться перед обвинителями: "Меня вызвали и я властвовал не вопреки, а согласно воле народа"; точно также и шапка Телевского времени могла бы провозгласить в свое оправдание: "Они же добровольно преклонялись предо мною." И еще: "Ведь нельзя же заготовить и преподнести Мономаху его шапку, а потом изливать на него горечь недовольства."

"Тяжела ты, шапка Мономаха!" Этот популярный выкрик почему-то приписывается самому Мономаху, а на самом деле, не он, а угнетенный им народ чувствовал эту тяжесть. Да, нет сомнения в тяжести той Мономаховой шапки: она была и осталась массивной, всеобъемлющей, в полном соответствии с необъятной русской ширью: "от хладных финских берегов до пламенной Колхиды." Все тяжеловесно. Коли речь о церквах идет, то в одной Москве — "сорок сороков"; заговоришь о церковных колоколах, то найдешь в Москве "царь-колокол." Поэтому не удивительна чрезвычайная тяжесть Мономаховой шапки.

Но кто безостановочно, в течение многих и многих лет, выковывал эту тяжелую шапку? Не сам ли народ, чувствующий всю тяжесть ее? Из всего этого не следует, что Мономах и его шапка выйдут из суда *оправданными:* против них остается еще довольно много обвинений, не мене веских и тяжких, чем тяжесть шапки Мономаха; они лишь потянут за собой к обвинению и "третью сторону," и вместо "сиамских близнецов" на скамье подсудимых окажется — странная "тройня."

Между прочим, в вину будет поставлено, что для Мономаха — шапка превратилась в неисчерпаемый резервуар псевдо-гениальности и что он, как алхимик, то и делал, что выкачивал из шапки "гениальность" и наполнял ею свою пустую башку. Вздумалось, например, Мономаху, невежде в филологии, написать самую обыкновенную ученическую статейку о языке, и сейчас же благим матом все и всюду заорали: "Гениальнейшее открытие!" Он-то своей гениальной рукой направлял литературу, науки, искусства то сюда, то туда. Перед ним преклонялись.

А вот умер сей Мономах и сразу исчезла вся его гениальность. Никто нигде не упоминает его имени. Но осталась его Мономахова шапка. К ней близится новый претендент на Мономахову шапку и на его "гениальность"...

Но в конце концов народ освободится от Мономахова чада, в угнетенном оживет, воскреснет задушенный человек, и тогда навеки веков избавится человечество от Мономаха и его шапки.

И. Рубцов

Если предположить, что вся обитаемая земля может быть собственностью землевладельцев и что они имеют право на ее поверхность, то все неземлевладельцы не имеют на нее права. Так что неземлевладельцы могут существовать на земле только под условием согласия на то землевладельцев. Они получают право на место, занимаемое их ногами, только под условием согласия на то землевладельцев. Так что, если бы эти не пожелали дать им место отдыха, они должны бы были быть свержены с земного шара. — *Герберт Спенсер.*

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ ДЕЛО ТРУДА - ПРОБУЖДЕНИЕ

ДВА МИХАИЛА

М. А. Бакунин — М. Ю. Лермонтов

Михаил Александрович Бакунин и Михаил Юрьевич Лермонтов родились в одном году (1814) — 104 года тому назад. Оба они — из "дворянских гнезд," обвитых душистой черемухой и зачарованных трелями соловья. Оба — прошли военную учебу, были носителями офицерского мундира, но славу и известность получили не как носители этих мундиров. "От келий душных и молитв" оба они стремились:

"В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы." ("Мцыри.")

Оба — протестанты. Лермонтов выражал свой протест в стихах, а Бакунин — личным участием в деле. Бакунин пошел гораздо дальше по пути опрокидывания кумиров, но Лермонтов выступил на арену задолго до появления на ней Бакунина. Собственно говоря, им не пришлось идти рука-об-руку: Лермонтова уже не было в живых, когда Бакунин гордым орлом взвился под облака.

Что больше всего поражает в Лермонтове, так это его изумительно ранняя зрелость, если природные дарования можно назвать зрелостью. Лермонтову не было полных 17 лет, когда он написал свое удивительно музыкальное стихотворение "Ангел." В этом стихотворении, как и во многих других, 16-летний юноша уже выразил дух Бакунина. Принесенной Ангелом душе горестно...

"И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна."

Разве это не Бакунин? Бакунин томился в окружающих условиях "мира печали и слез." Он был полон чудных желаний... Те официальные "скучные песни земли," которые распевались "толпившимися у трона," не удовлетворяли его. Еще рельефнее выступает Бакунин в "Парусе," тоже написанным Лермонтовым в юношеском возрасте. В этом стихотворении Бакунин уже предстает не в роли плакальщика по лучшей жизни, а в роли Буревестника, гордо реющего над морской стихией.

"Играют волны; ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит."

Но Буревестнику не страшно. Он не боится бури. Напротив—он ищет бури. Зачем же он ее ищет? Ответ на это Лермонтов дает в поэме "Мцыри." Молодой монах, тоскующий по родине и свободе и решивший бежать из монастыря, мог привести свое решение в исполнение только во время грозы. Раскаты грома, огненные языки молнии, сильные порывы ветра навеяли на монахов такой страх, что они пали ниц; это дало возможность молодому затворнику выйти незамеченным за ограду монастыря. Лермонтов как бы подчеркивает этим, что путь ко спасению, путь к свободе лежит через бурю, через революцию. Как видно, революционные мысли могут быть иногда выражены и не революционерами.

Во весь свой исполинский рост Бакунин встает, однако, лишь в следующих словах: "То кровь кипит, то сил избыток." У Бакунина — избыток сил. Он жил полной жизнью лишь тогда, когда щедро расточал свои силы, не ожидая за это никакого вознаграждения. Истина не продается за деньги и не отмеряется аршином.

Неизвестно был ли Бакунин лично знаком с Лермонтовым, но нет сомнения, что в тех кружках, в которые входил Бакунин, о Лермонтове много говорилось. Белинский два раза встречался с Лермонтовым, и он, конечно, об этих встречах говорил со своими друзьями, в том числе и с Бакуниным.

Известное стихотворение Лермонтова "На смерть поэта" горячо обсуждалось в среде передовой молодежи. Принимал участие в этих обсуждениях и Бакунин. Позднее Бакунин в своих трудах ярко отразил все то, что говорилось в этом стихотворении.

"На смерть поэта," собственно говоря, и "открыло" Лермонтова. До смерти Пушкина Лермонтов, хотя и писал много, но почти ничего не печатал. Не было напечатано и "На смерть поэта," но оно пошло по рукам с таким успехом, что, как заявляет биограф Лермонтова, не хватало свечей, при свете которых это стихотворение переписывалось. Последовавшая ссылка на Кавказ, — как мера наказания за это стихотворение, — лишь подняла славу и популярность Лермонтова. Поэт уже казался не только достойным преемником Пушкина, но и пострадавшим за провозглашенную им правду. К лаврам поэта прибавились лавры мученика. О Лермонтове заговорила вся страна.

Последние строки стихотворения чрезвычайно импонировали всем тем, кто не шел в ногу с официальной Россией. В строках этих

отражалось все: поклон декабристам ("Игрою счастия обиженных родов") и осуждение —очень суровое, но вполне заслуженное — придворной знати. Поэт подчеркивал, что страной правят "надменные потомки известной подлостью прославленных отцов" (намек на подавление восстания декабристов), отличительная черта которых — жадность и готовность растопталь всякие отблеки свободы. Находясь "под сенью закона," т. е. имея за собой могущественный государственный аппарат, "надменным потомкам," "толпой стоявшим у трона," не стоило большого труда зажимать рот всем, кто хотел сказать правду. "Пред вами суд и правда — все молчи!" Поэт, однако, утешает тем, что где-то есть высший судья, которого нельзя подкупить ни золотом, ни лестью и который в конце концов воздаст по заслугам всем "наперстникам разврата." Эта оптимистическая черточка лишь усиливала симпатии к поэту со стороны тех, кто подтачивал устои жандармского строя.

Придавать Лермонтову ту или иную политическую окраску (как это делают большевики) было бы большой несправедливостью. Лермонтов только поэт. Он — служитель красоты. Но красота достигает наивысшей степени лишь тогда, когда она сочетается со свободой и справедливостью. Без этих качеств красота — холодна, как полярная ледяная скала. В этом и сходятся Лермонтов и Бакунин. Один — служитель красоты, в которой отражается справедливость и свобода, другой — служитель свободы, в которой отражается красота. Свобода и красота — Бакунин и Лермонтов.

О Бакунине, как революционере, говорит весь мир, но сравнительно немногие знают, что этот бесстрашный бунтовщик являлся горячим поклонником всего красивого. Бакунин готов был часами оставаться в забытьи, упиваясь дивными мелодиями Бетховена. Его лучшими друзьями были композиторы посещение которых и слушание их игры Бакунин считал самыми отрадными минутами в своей жизни. Даже смерть настигла Бакунина тогда ,когда он находился у композитора А. Райхеля, слушая музыку. Только Бакунину, как ценителю красоты, могла придти в голову мысль — поставить Мадонну Рафаэля и картины Мурильо на стены Дрездена в виде защиты от пруссаков. Бакунин полагал, что пруссакам так же дорого искусство, как ему, поэтому они не станут стрелять по картинам.

Говорят, что Вагнеровский Зигфрид — Бакунин. Говорят также, что Рудин Тургенева — тоже Бакунин. Говорят, что и среди героев Достоевского есть Бакунин, хотя и наделенный совершенно противоположными качествами. Проживи Лермонтов на свете столько, сколько прожил Бакунин, кто знает, — быть может, его "Демон" принял бы совершенно иные очертания. Быть может, этот "изгнанник рая" оказался бы самым обыкновенным протестантом и борцом за право на свободную и осмысленную жизнь. Это можно заключить хотя бы из того, что Демону, по словам Лермонтова, уже наскучило сеять зло на земле и что его душа была открыта для добра. Поэтому он говорил любимой:

"Тебя я, вольный сын эфира,
Возьму в надзвездные края,
И будешь ты царицей мира,
Подруга верная моя;
Без сожаленья, без участья
Смотреть на землю станешь ты,
Где нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты,
Где преступленья лишь да казни,
Где страсти мелкой только жить;
Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить...
Оставь же прежние желанья
И жалкий свет его судьбе:
Пучину гордого познанья
Взамен открою я тебе...
И для тебя с звезды восточной
Сорву венец я золотой,
Возьму с цветов росы полночной,
Его усыплю той росой;
Лучом румяного заката
Твой стан, как лентой, обовью;
Дыханьем чистым аромата
Окрестный воздух напою!
Всечастно дивною игрою
Твой слух лелеять буду я;
Чертоги пышные построю
Из бирюзы и янтаря..."

Разве это не лучшие порывы, какими только может быть награжден человек? Разве здесь не чувствуется — с одной стороны — "отречемся от старого мира," а с другой — готовность решительно все сделать для друга своего?.. Лермонтов, повидимому, намеревался представить своего героя—носителя "гордаго познанья" — в роли избавителя от всех житейских невзгод. Любовь Тамары должна была смыть все темные пятна с души изгнанника рая. Но Лермонтов не дерзнул идти до конца: душа Тамары неожиданно очутилась в объятиях херувимов, а Демон, после всех своих побед и достижений, вернулся к прежнему разбитому корыту.

Если у Лермонтова борьба (за Тамару) происходит между силами неба и ада, то у

Бакунина в роли конкурента Бога и всего божественного выступает сам человек. Бакунин прямо говорит: "Если есть Бог, — нет человека, если есть человек, — нет Бога." И еще он говорит, что если Бог всемогущ, то человек по сравнению с этим всемогуществом — ничтожество, т. е. раб. На освобождении человека от этого рабского состояния и построена вся философия Бакунина.

Происхождение Бога у Бакунина очень простое: его создал сам человек. У животных Бога нет, но у дикарей он уже есть, ибо дикари в умственном отношении стоят выше животных. Располагая возможностью мыслить отвлеченно, но не зная, как объяснить некоторые явления природы, дикарю ничего другого не оставалось, как создать бога. И он его создал в лице тех или иных предметов.

По мере того, как человечество все дальше и дальше уходило от своего дикого и полудикого состояния, — росла потребность в новых богах. Обыкновенный камень, птица, река или бык с белым пятном на лбу — уже не могли считаться богами. Ум разгадал их "тайны." Человеческая вообразительность постепенно отделила богов от обыкновенных предметов, облекла их таинственностью и вознесла сначала на высокую гору (Олимп), а потом на небо. (Следует отметить, что иконопочитание, преклонение перед крестом, чудотворные образа, появившиеся в последнее время среди русской колонии в Соединенных Штатах, — все это тот же фетишизм.) Но так как мысль человека не останавливается в своем развитии, то Бакунин верит, что придет время, когда люди узнают, что никакого неба нет, а, следовательно, нет и восседающего там бога. На все современные божества люди будут смотреть так, как мы смотрим на истуканов, казавшихся когда-то нашим предкам святыми. (В качестве разборщика домов автору этих строк иногда случалось принимать участие в ломке церковных зданий. Сколько распятий, крестов, богородиц, апостолов и др. святых было превращено в обыкновенный мусор, погружено на грузовики и вывезено на свалочное место? И это делалось иногда теми же людьми, которые в другом месте несут доллары митрополитам, как плату, за возможность преклониться перед чудотворной иконой.)

По мнению Бакунина, падение абсолюта на небе неизбежно поведет к падению абсолютизма на земле. Большевиков в то время еще не было, поэтому Бакунину казалось, что общество, базирующееся на атеизме, неминуемо придет к свободе. Впрочем, большевики в известном смысле тоже подтверждают этот взгляд Бакунина. Держатся большевики исключительно на штыках, а не на народном признании. Бакунин же имел в виду те авторитеты, которые способны завораживать население, как оно завораживается авторитетом Бога. Подобные авторитеты полностью оправдывают мысль Бакунина. Всем известно, что сила Соединенных Штатов заключается в атомных бомбах, однако правители этой страны, в том числе и президент, неизменно подчеркивают, что "наша мощь — в вере в Бога." Как видно, с психологической точки зрения Бог — самый надежный защитник капитализма. Недаром сторонники реставрации в России постоянно твердят, что русский человек не может жить без веры в Бога. Они знают, что если будет господин на небе, то будет господин и на земле. Постепенно на эту же линию переключаются и большевики, уже оставившие церковь в покое. Отсюда вполне понятно, почему Бакунин так страстно выступал против теологии. Свою разрушительную работу он начинал с самых основ. Подобно легендарному Самсону, он колебал те столбы, на которых держится рабский строй.

Свобода для Бакунина — важнейшее условие жизни. Без свободы, говорит он, даже добро перестает быть добром. Тоскует по свободе и Лермонтов: "Отворите мне темницу, дайте мне сиянье дня..." Этот мотив в разных вариациях слышится у Лермонтова чуть ли не на каждой странице. Но, повторяем, облачить Лермонтова в партийную политическую тогу нельзя. Задача поэта иная...

"С тех пор, как Вечный судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока."

Поэт как бы возвышается над обществом. С высоты своего Парнасса он отчетливо видит людские пороки, независимо от того, где, в какой группе, сословии или классе эти пороки проявляются. Не этим ли и объясняется кажущееся иногда противоречие в произведениях поэтов? Среди сословий видят они пороки, эти сословия и бичуют.

Бакунин в одном месте своих трудов утверждает, что человеку гораздо легче восстать против власти и государства, чем против среды, из которой он вышел. Лермонтов своей жизнью вполне это подтверждает. Ни одна часть общества не подверглась со стороны Лермонтова такому порицанию, как та, которая известна под назва-

нием "высшего света." С юношеских лет и до самой смерти Лермонтов не переставал твердить, что высший свет — пуст, порочен и несправедлив, что там, кроме болтовни, зависти и злословия, ничего нет. И однако, до самой смерти Лермонтов не только не порвал с высшим светом, но всегда к нему тянулся. (В противовес своему утверждению: "Посыпал пеплом я главу, из городов бежал я нищий.") Собственно говоря, высший свет и явился могильщиком Лермонтова. Колкие замечания, шутки, направленные против некоторых, слишком зазнавшихся завсегдатаев высшего света, — создали поэту не мало врагов. Лермонтову всегда хотелесь быть там, где больше всего предвиделось трудностей. (Эту свою особенность он проявил и во время одной военной операции на Кавказе, за что и удостоился похвалы, несмотря на то, что в это время он уже был в опале.) Если барышня или дама имела уже неколько поклонников, — Лермонтов неизбежно начинал ухаживать за нею. Слова поэта открывали ему доступ к женскому сердцу, но вместе с тем это ополчало против него всех "львов" и "тигров." Один из таких бездушных тигров — в лице надменного капитана Мартынова — и растерзал поэта.

Даже на такой опасный шаг, как дуэль, Лермонтов смотрел с каким-то задором и детской доверчивостью. Два раза он дрался на пистолетах, но ни разу не выстрелил. Во время второй — роковой — дуэли Лермонтов, по рассказам очевидцев, с какой-то усмешкой скорее играл пистолетом, чем собирался стрелять. И это в то время, когда его противник старательно и пристально целился в него...

Биографы говорят, что в то время, как Лермонтов, скошенный пулей, падал, — разразилась страшная гроза. Не знаменательно ли, что Бакунин — бунтарь — встретил свою смерть, слушая музыку, а Лермонтов — служитель красоты — умер под раскаты грома? Музыка и гром, красота и бунт — сочетаются в лице как Бакунина, так и в лице Лермонтова.

"Да, были люди в наше время" — приходится повторить вслед за героем Лермонтова. Теперь таких людей не видно... Сама собой напрашивается при этом всем известная Лермонтовская "Дума." "Печально гляжу я на наше поколенье." Однако, закончим не думой," а другим его стихотворением:

"Когда б в покорности незнанья
Нас жить Создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в нашу душу б не вложил,
Он не позволил бы стремиться
К тому, что не должно свершиться,
Он не позволил бы искать
В себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства
Не должно вечно было знать?

Но чувство есть у нас святое —
Надежда, бог грядущих дней;
Она в душе, где все земное,
Живет наперекор страстей;
Она залог, что есть поныне
На небе, иль в другой пустыне,
Такое место, где любовь
Предстанет нам, как ангел нежный,
И где тоски ее мятежной
Душа узнать не может вновь."

Как видим, Лермонтов воспевал не только грусть и отчаяние ,но и светлокрылую Надежду. Об оптимизме Бакунина говорить не приходится: Бакунин горячо верил в светлое будущее.

Со дня смерти Бакунина прошло 78 лет, со дня трагической гибели Лермонтова — 112 лет. (Еще одно совпаление: и Бакунин и Лермонтов умерли в июле.) Но сказанное ими до сих пор торжественно произносят и долго, долго будут произносить те, кому дорога Красота и Свобода. Имена Бакунина и Лермонтова — вечные...

Бакунин, как революционер, гремит на весь мир. Известен он также как мыслитель. Мало кто, однако, обращает внимания на то, что Бакунин — не только философ и теоретик анархизма, но и художник. Взять, к примеру, его речь, произнесенную на польском митинге в Париже в 1847 году. Это не только блестящая политическая речь, — это поэма в прозе. Недаром присуствоваший на митинге Мицкевич плакал, слушая речь Бакунина. Своим поэтическим чутьем он уловил всю глубину и художественную прелесть этой речи. Это тоже сближает Бакунина с Лермонтовым. Оба они несли в своих руках два факела: факел Свободы и факел Красоты. У Лермонтова ярче пылал факел Красоты, а у Бакунина — факел Свободы.

Колокольцев

Устройство мира, в котором мы живем, таково, что тысяча людей, работая вместе, могут произвести во много раз больше, чем сколько могла бы произвести та же тысяча человек, работая порознь. Однако это не доказывает еще необходимости того, чтобы 999 человек делались в сущности рабами одного. — *Генри Джордж.*

МОЖЕТ ЛИ ЦЕРКОВЬ ПОМОЧЬ ВАМ?

Что же делать? Как покончить с бедностью, угнетениями и тиранством? Как избавиться от зла, несправедливости? Как искоренить подкуп, разврат? Как покончить с преступностью и убийством? Как отделаться от рабства наемной платы? Как обеспечить свободу и благоденствие, радость и солнечный свет для всех?

"Обратитесь к Богу," — говорит церковь: "только христианская жизнь может спасти мир."

"Проведем новый закон," — говорит реформист: "человека нужно заставить быть хорошим."

"Голосуйте за меня," — говорит политикан: "я позабочусь о ваших интересах."

"Тред-юнион," — говорит вам друг из рабочего лагеря: "в этом ваша надежда."

"Только социализм может покончить с капитализмом и с рабством наемного труда," — настаивает социалист.

"Я большевик," — заявляет другой: — "только диктатура пролетариата может освободить рабочих."

"Мы будем оставаться рабами пока мы имеем правителей и господ, — говорит анархист: "только свобода может сделать нас независимыми."

Протекционист и сторонник свободной торговли, проповедник единого налога, фабианец, толстовец, мутуалист и десятки других социальных докторов — все они приписывают свои собственные лекарства для лечения социальных болезней и только удивляешься, кто из них прав и каково в действительности настоящее лечение.

Нельзя допустить большей ошибки, как принять слепо и на веру тот или другой совет. Можно быть уверенным в том, что вы ошибетесь. Только ваш собственный разум и опыт могут решить, в каком направлении лежит правильная дорога. Только продумайте различные предложения и решите своим собственным умом: какое из них наиболее резонное и практичное. Только тогда вы будете знать, что для вас лучше — для рабочих и для всего человечества.

Обдумаем же эти различные предложения. Может ли церковь помочь вам? Может быть вы и христианин, а может быть и член какой другой религии: еврей, мормон, мусульманин, буддист, или кто другой.

Разницы нет. Человек должен быть свободен верить, во что он хочет. Вопрос не в том, какова ваша религия, а в том, может ли религия избавить вас от общественных зол, от которых страдает человечество?

Как я уже сказал раньше, мы живем только один раз на этой земле и мы хотим сделать эту жизнь наилучшей. Что с нами случится после смерти, мы не знаем. Все говорит за то, что мы этого никогда и не узнаем, а потому бесполезно беспокоить себя этими вопросами. Вопрос стоит о жизни, а не о смерти. Нас интересует процесс жизни — жизни своей, жизни вашей и жизни всех других людей. Может ли этот мир быть сделан лучшим местом и для лучшей жизни? Вот что мы хотим знать. Может ли религия сделать это?

Христианство насчитывает уже около 2,000 лет. Избавило ли оно нас от какого-нибудь зла? Разделалось ли оно с преступностью и убийствами? Освободило ли оно нас от нищеты ,бедности, деспотизма и тиранства?

Вы знаете, что этого оно не сделало и что христианская церковь, как и все другие церкви, всегда поддерживала сторону правителей и стояла против народа. Даже больше: церковь причиняла большую травлю и кровопролития, чем все войны, затеянные королями. Религия делит людей на враждующие лагери и самые кровавые войны велись на почве религиозной вражды и разногласий. Церковь преследовала людей за их мнения, заточала их в тюрьмы и убивала. Католическая инквизиция наводила террор на весь мир, мучила до смерти так называемых еретиков, сжигала их на кострах. Другие церкви делали то же самое, когда они имели силу. Они всегда стремились к порабощению и эксплоатации людей, к удержанию их в невежестве и темноте. Они осуждали всякую попытку человека развить свой ум, продвинуться вперед, улучшить свое положение. Они предали анафеме науку и заглушали голос тех людей, которые жаждали знаний. До сего дня признанные религии играют роль Иуды для своего заведомого Спасителя. Они благословляют войну и одобряют убийство, рабство наемного труда и капиталистическое обирательство. Они всегда стоят на стороне "порядка и законности," которыми был распят сын из Назарета.

Вдумайтесь: Иисус хотел, чтобы все люди были братьями, чтобы они жили в мире и согласии. Церковь же поддерживает неравенство, национальную вражду и войны. Ии-

сус осудил богачей, как вампиров и поработителей бедных. Церковь же преклоняется перед богачами и сама скопляет огромные богатства. Назаретянин родился в кормушке для скота и всю жизнь оставался бедняком. Лица же, выдающие себя за его глашатаев и представителей, живут во дворцах. Иисус проповедывал кротость. Князья же церкви надменны и горды кошельком.

"Как вы поступаете с моими меньшими братьями, — говорит Христос, — так вы поступайте и со мной." Церковь поддерживает капиталистическую систему, которая порабощает маленьких детей и доводит их до ранней могилы.

"Не убий, — приказывал сын из Назарета. Церковь же оправдывает казни и войну.

Христианство — величайшее лицемерие в мире. Ни христианские нации, ни отдельные последователи не проводят в жизнь заветов Иисуса. Первые христиане следовали его учению, а потому их распинали на крестах, сжигали заживо у столба, или же подбрасывали в клетки к диким зверам на растерзание в Римском амфитеатре. Позднее христианская церковь пошла на компромис с теми, кто стоял у власти; она снискала влияние и богатства, поддерживая сторону тиранов против народа. Она санкционировала все, что жестоко осудил Христос, и тем самым снискала к себе расположение королей и господ. Сегодня король, властелин и священнослужитель принадлежат к одной троице. Они распинают Христа ежедневно; они прославляют его своими устами и предают за серебренники; они прославляют его имя и уничтожают его дух.

Очевидно, что христианство — величайшее притворство и позор для человечества, полнейшее фиаско, потому что христианство обращается к людям с ложью. Сами церкви не делают того, что они проповедуют. Даже больше: они проповедуют вам такое евангелие, которое, как они хорошо знают, не может быть проведено в жизнь. Они призывают вас стать "лучшим человеком," не давая вам возможности сделать этого. Наоборот, церкви поддерживают условия, которые делают вас "плохим" в то время, как они приказывают вам быть "добрым." Они извлекают материальные выгоды из существующего режима и с финансовой стороны заинтересованы в поддержании существующих порядков. Католическая церковь, протестантская, англиканская, христианской науки, мормоны и другие церкви являются богатейшими организациями в мире. Их владения представляют рабочую кровь и тело. Их влияние только доказывает, как обманывают народ в наше время. Пророки религии мертвы и забыты, остаются только прибыли.

"Но если бы мы вели истинно христианскую жизнь, — замечаете вы, — мир был бы совсем другим." Вы правы, мой друг. Но можно ли вести истинно христианскую жизнь в существующих условиях? Позволяет ли вам капитализм вести такую жизнь? Позволит ли вам правительство вести такую жизнь? Даст ли сама церковь вам возможность вести христианскую жизнь? Только испытайте ее на один день и посмотрите, что случится с вами.

Покидая утром свой дом, решите быть истинным христианином на один день и говорите только правду. Проходя мимо полицейского на посту, напомните ему о заповедях Христа. Скажите ему, чтобы "он любил своих врагов, как себя," и постарайтесь убедить его, чтобы он отбросил в сторону свой револьвер и клоб. А когда вы встретите солдата на улице, напомните ему о заповеди Иисуса не убивать.

В своей мастерской или конторе говорите только правду вашему хозяину. Скажите ему о предупреждении со стороны сына из Назарета: "И какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а потеряет душу и возможность спасения." Напомните ему, что Иисус завещал делиться последним куском хлеба с бедным и что у богача не больше шансов пробраться в рай, чем у верблюда пройти сквозь ушко иглы.

А когда вас приведут в суд за нарушение спокойствия добрых христиан, напомните судье, что "не судите, да не судимы будете." Вас объявят дураком и помешанным. Они пошлют вас в дом для лунатиков или умалишенных, или же в тюрьму.

Вы можете видеть, каким дерзким лицемерием является проповедывание христианской жизни со стороны "небесных пилотов." Они так же, как и вы, прекрасно знают, что в условиях капитализма и при правительстве нет у человека больших шансов вести истинно христианскую жизнь, чем у верблюда пройти сквозь ушко иглы. Все те добрые люди, претендующие на христианство, не кто иные, как лицемеры, проповедующие то, чего нельзя провести в жизнь, так как они не дают вам возможности вести истинно христианскую жизнь. Не дают возможности вести даже обыкновенной и честной порядочной жизни без лжи, обмана, неискренности.

КООПЕРАЦИЯ И ГОСУДАРСТВО

Уже много раз и везде кооператоры доказали свою лояльность по отношению к государству и правительству. Ведя хозяйственные предприятия, они более чем кто-либо заинтересованы в том, чтобы в стране было спокойно и не было беспорядков и волнений, нарушающих нормальный ход экономической жизни. Однако, это не значит, что кооперация тождественна с этатизмом и что стоит только социалистам завладеть государственной властью, как осуществится одновременно социалистический и кооперативный идеал.

Против такого упрощенного понимания кооперации высказался известный теоретик кооперации доктор Варбасс в американском журнале "Консумерс Кооперэйшэн" в статье, озаглавленной "Британская кооперация и этатизм." Доктор Варбасс обвиняет в смешении понятий кооперативизма и этатизма, который является государственным социализмом, Сиднея и Беатриссу Вебб, сочинения которых имели большое влияние на великобританских кооператоров.

"Вебб, — пишет он, — никогда не удалось ясно определить разницу между потребителями и производителями в кооперации и между свободной кооперацией и политическим государством. Веббы смешивают эти различные понятия, отожествляя их. А народ, читающий их книги, распространил по всему свету эти неправильные воззрения..."

"Около 20 лет Веббы вели кооператоров к политическому этатизму. В последней их книге о России они заявляют, что русский коммунизм это тот экономический идеал, к которому должен стремиться весь свет. Они советуют английским кооператорам следовать русскому примеру. И такой совет Веббы дают, несмотря на то, что советское правительство конфисковало имущество и закрыло потребительные кооперативы в городах."

Далее доктор Варбасс ратует за сохранение принципа нейтралитета кооперативного движения и сожалеет о том, что на Лондонском конгрессе Международного Кооперативного Союза в 1934 году английские и русские делегаты голосовали вместе против нейтралитета.

Прибавим, что в 1937 году на Международном кооперативном съезде в Париже тоже принципиальное единение англичан с русскими и французами не было нарушено, несмотря на слабый протест против закрытия потребительных обществ в России.

"Веббы, — продолжает далее Варбасс, — играли большую роль в социалистическом движении, укрепляя веру во всемогущество политической власти. Имеются другие социалисты, посвятившие себя политической экспансии государства. Но то обстоятельство, что их учение было допущено в кооперативную среду и особенно в потребительные общества, является одной из трагедий кооперативного движения и противоречит учению таких кооператоров, как д-р Кинг, д-р Миллер, Шарль Жид, А. Орне и А. Б. Лавернь. Социализм — это одно, а кооперация — другое, т. е. антитезис этатизма."

"Если кооперация не является философией, могущей быть примененной на практике, если она не может распространиться во всех экономических областях, если она реализует только одну подсобную систему деловых отношений, если кооперация в конце концов превратится в придаток этатизма, если всемогущее государство использует кооперацию для увелечения своей силы и если оно устранит потом ее, помогшую единовластью, то кооператоры должны сделать паузу и поразмыслить над тщетностью своих усилий."

"Что касается меня, — заканчивает Варбасс, — то я работаю в кооперации потому, что вижу в ней путь обойти могущество государства. Я верю, что кооперация может создать свободное и неполитическое общество после того, как овладеет хозяйством, и что кооперативное движение даст миру лучшую надежду освободиться от тисков принудительного государства."

С некоторыми поправками разделяю мнение доктора Варбасса. Разница наших взглядов заключается в том, что Варбасс считается только с потребительной кооперацией, а для меня она должна быть связана с кредитной и производительной. Для меня имена Шульце-Делича, Райффейзена, Маццини и Луццати тоже святы, как имена Кинга и Жида. Во всем остальном мы сходимся с

Правда, если бы мы могли следовать учению Христа, мир был бы совсем другим. В нем не было бы ни убийства, ни войны, ни обмана, ни лжи, ни извлечения прибылей. Не было бы ни хозяина, ни раба. Мы все жили бы, как братья, в мире и согласии. Не было бы ни бедных, ни богатых, ни преступлений, ни тюрем, но мир не был бы таким, каким его хочет иметь церковь.

А потому, мой друг, вам нечего ждать от христианства или какой-либо другой церкви. Весь прогресс и все усовершенствования в мире были сделаны против воли и желаний церкви. Вы можете верить в любую религию, какая вам нравится, но не возлагайте никаких надежд на церковь в деле улучшения социальных условий.

А. Беркман

Варбассом. Кооператорам особенно нужно теперь иметь собственное мировоззрение, чтобы не смешиваться с политическими партиями и другими учениями.

Отсутствие распространенного кооперативного мировоззрения, несмотря на то, что над ним поработали и Кинг, и Ванситтарт-Нил, и Хубер, и Райффейзен и Жид, дало себя почувствовать и на Международном кооперативном съезде в Париже в 1937 году, где заявления советских кооператоров, что превращение кооперативных магазинов в правительственные сделает их более доступными массам, не встретило возражений.

Смещение же правительства с кооперацией дошло до того, что в частном разговоре с балканским делегатом один из советских кооператоров сообщил, что русские кооператоры сами просили советское правительство взять городскую потребительную кооперацию в свои руки, ибо в России для руководства кооперацией не хватает компетентных людей.

На это можно было бы возразить, что если там людей нет в городах, то откуда их берет сельская кооперация, не переданная в руки правительства? Дело не в этом, а в том, что в России теперь кооперация отожествляется с государственным социализмом. Этот социализм известный итальянский социалист А. Лабриола, думая о России, назвал государственным капитализмом, а теперь, разочаровавшись в социализме, он в своей книге "Ле крепискюле де ла Сивилизасион" утверждает, что современный социализм не что иное, как капитализм бедных классов, и обнаруживает те же недостатки, что и капитализм."

Разочарование в государственном социализме или в этатизме вообще наблюдается и у некоторых авторов. Так, французский журнал "Новель Эйдж" в июле 1937 года посвятил целый номер вопросу: "Этатизм или федерализм?" Он находит, что "государство является в экономике чуждым телом" и что политические партии можно устранить ,не уничтожая демократии. Среди сотрудников этого журнала почти нет кооператоров, но тем не менее некоторые из приводимых там мыслей подкрепляют положения доктора Варбаса и могут способствовать выработке кооперативного мировоззрения. *Проф. В. Тотомианц*

Если есть человек, не имеющий права на землю, то незаконно право на землю — мое, ваше, всякого человека. — *Эмерсон.*

ПУТИ и СРЕДСТВА

Если только какое-нибудь общество, город или область, твердо решится обеспечить своим членам все необходимое, ему неизбежно придется завладеть всем, что служит для производства, т. е. землею, машинами, заводами, средствами передвижения и т. д. Оно непременно экспроприирует современных собственников капитала, чтобы передать этот капитал в руки общества.

В самом деле, главное зло буржуазного строя заключается не только в том, что капиталист получает с каждого промышленного или коммерческого предприятия значительную часть барышей, доставляющих ему возможность жить не работая: оно лежит, как мы уже видели, в том, что все производство, взятое в целом, идет по совершенно ложному пути, так как его цель — отнюдь не обеспечение благосостояния для всех. Оно ведется наудачу, — ради барышей, а вовсе не ради общественных нужд.

Мало того, капиталистическое производство не может быть в интересах всех. Стремиться к этому, значит, требовать от капиталиста, чтобы он вышел из своей роли и исполнял такое отправление в обществе, которого он *не может* принять на себя, не переставши быть самим собою, т. е. частным предпринимателем, стремящимся к собственному обогащению. Капиталистическая организация, основанная на личном интересе каждого предпринимателя, дала обществу все, чего от нее можно было ожидать: она увеличила производительную силу рабочего. Воспользовавшись переворотом, произведенным в технике паром, быстрым развитием химии и механики, а также всеми открытиями нашего века, капиталист постарался, в своих собственных интересах, усилить производительность человеческого труда; и достиг он этого в очень значительной степени. Но было бы вполне неразумно возлагать на него какую-нибудь другую миссию. Желать, например, чтобы он употребил эту увеличенную проуизводительность труда на пользу всего общества значило бы требовать от него благотворительности, а капиталистическое предприятие не может быть основано на благотворительности.

Дать полное распространение во всех отраслях этой высокой производительности труда, существующей в настоящее время лишь в некоторых отраслях промышленности, — теперь уже дело общества. А для того, чтобы общество могло обеспечить бла-

госостояние всем своим членам, оно очевидно должно завладеть всеми средствами производства.

**
*

Зло современного строя заключается, следовательно, не в том, что "прибавочная стоимость" производства идет капиталисту, как говорили Родбертус и Маркс, вслед за Томсоном, суживая таким образом социалистическую идею и ее общее понимание капиталистического строя. Сама прибавочная стоимость является следствием более глубоких причин. Зло заключается в том, что вообще *может быть* какая бы то ни было "прибавочная стоимость" вместо простого излишка, не потребленного данным поколеним, потому что для существования этой "прибавочной стоимости" нужно, чтобы мужчины, женщины и дети были вынуждены потреблять меньше, чем они производят, чтобы голод и невозможность найти другое приложение своих сил вынуждали их продавать свою рабочую силу за малую долю того, что она производит, и особенно того, что она могла бы произвести.

И это зло будет существовать до тех пор, пока то, что необходимо для производства, останется собственностью немногих. Пока человек будет вынужден платить дань собственнику, чтобы иметь право обрабатывать землю или пустить в ход какую-нибудь машину, собственник же будет производить не наибольшее количество нужных для существования предметов, а то, что обещает ему наибальшие барыши,—до тех пор благосостояние будет обеспечено лишь ничтожному меньшинству, и то лишь временно, и всякий раз ценою разорения другой части общества. В самом деле, вовсе недостаточно еще разделить поровну прибыль, получаемую тем или другим частным предприятием, если при этом для получения прибыли нужно непременно эксплуатировать тысячи других рабочих. То, к чему нужно стремиться, это — *производить с наименьшей возможной тратой человеческих сил наибольшую сумму продуктов, наиболее необходимых для благосостояния всех.*

Частный собственник не может решить этой задачи, вот почему все общество в целом будет вынуждено, во имя этой необходимости, экспроприировать все то, что составляет его богатство и что может обеспечить всем довольство. Оно должно будет завладеть землей, заводами, копями, путями сообщений, домами, магазинами и т. д. и, кроме того, заняться изучением того, что именно нужно производить в интересах всех, какими путями и какими средствами для этого нужно пользоваться.

П. А. Кропоткин

Закон Бога не потому закон Бога, что он, как всегда уверяют жрецы про свои законы, чудесным образом произнесен самим Богом, а потому, что он безошибочно и очевидно указывает людям на тот путь, идя по которому, они наверное избавляются от своих страданий и наверное получают наибольшее внутреннее — духовное и внешнее — телесное благо, и получают не одни какие-либо избранные, а все люди без всякого исключения. Таков закон Бога о том, чтобы поступать с другими, как хочешь, чтобы поступали с тобой. — *Л. Н. Толстой.*

**
*

Добрые люди друг другу пособляют, даже не подозревая того, а злые умышленно противодействуют один другому.

Китайская пословица.

**
*

Когда услышишь клевету на людей, не вкушай этого гнева. Когда услышишь лесть людям, не вкушай этой радости. Если услышишь, как люди говорят о порочности человека, не разделяй их удовольствия. Радуйся известиям о добрых делах. Радуйся распространению начал справедливости. Радуйся распространению дел добра.

Когда же услышишь о зле людей, пусть это будет для тебя так же больно, как иглы, впивающиеся в спину. Когда же услышишь о добрых делах, облекись ими, как венками цветов. — *Китайская мудрость.*

"В Вихре Революции"

Вышла в свет и поступила в продажу книга покойного редактора чикагской газеты "Рассвет" — ЕВГ. ЗАХ. ДОЛИНИНА-МОРАВСКОГО "В Вихре Революции." Книга составлена из стихов, статей, рассказов и писем Долинина-Моравского, который в 20-30-х годах пользовался в среде русской колонии в Америке большой популярностью, как талантливый писатель, лектор и непримиримый противник тоталитарного большевизма. Книга имеет 464 стр. Цена книги в переплете — $3.50, в мягкой обложке — $3.00. Заказы на книгу можно направлять по адресу журнала "ДТП."

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

КОМУ МЫ БУДЕМ СЛУЖИТЬ?

Прежде чем излагать свое мнение относительно статьи т. *Живко Колева,* напечатанной в № 42 "ДТП" под названием "Третья мировая война," я должен немного отступить назад не ради длинных подходов, а потому, что т. Колев затронул этот вопрос еще в 1950 году в своей статье "Лицом к будущему," напечатанной в № 34 "ДТП." Вопрос об отношении анархистов к войне, по моему мнению, один из самых важных вопросов. Нам остается лишь поблагодарить т. Колева за то, что он поставил этот вопрос на обсуждение. К сожалению, т. Колев не совсем последователен. В одном месте своей статьи он говорит: "В странах, закабаленных марксизмом-ленинизмом, войны желает незначительное меньшинство, люди, боящиеся потерять свою власть," а в другом месте пишет: "Большинство угнетенных и эксплуатируемых народов СССР стоит скорее за войну, чем против нее" ("ДТП" № 42). Эта двойственность суждений может привести к самым противоположным выводам. Если большинство населения СССР за войну, то само собой понятно, что и анархисты тоже должны быть за войну, ибо анархисты всегда должны быть с населением. Если же войны желают лишь те, которые стоят у власти, а население не желает ее, то и анархисты не должны желать ее. Этого правила мы должны всегла придерживаться: где население, там и анархисты.

Как мне кажется, т. Колев ошибается в своей классификации врагов прогресса и безвластия. Предположим, что для нас, живших в тех местах, которые теперь обтянуты "железным занавесом," большевизм является врагом № 1, но может ли это относиться ко всем народам, живущим по эту сторону "железного занавеса"? Мы знаем, что в Азии, Африке и других частях света есть немало колониальных владений. Для населения этих местностей врагом № 1 является не Кремль, а те, которые непосредственно их угнетают и эксплуатируют. Для испанских анархистов врагом № 1, несомненно, будет Франко, для португальских — лисабонский диктатор и т. д. Следовательно, понятие "враг номер первый" — условно, относительно. Для одних враг № 1 сидит в Москве, для других — в Мадриде и т. д.

Товарищ Колев советует не помогать большевикам в завладении миром. Совет правильный, но значит ли это, что мы должны отказаться от критики порядков существующих в западных странах? Я думаю, что нет. Мы должны критиковать зло, независимо от того, откуда оно исходит, от большевиков или их противников. Мы должны отстаивать *истину* и требовать ее торжества, как там, где гуляет красный террор, так и там, где практикуется террор иного цвета.

Мы — не пацифисты и не антимилитаристы, но мы — *антиимпериалисты.* Мы против империалистической войны, но не против той войны, которая ведется за освобождение. Совершенно непонятно, почему т. Колев, говоря об империализме антибольшевистского лагеря, прибегает к кавычкам, в которых нет надобности, ибо элементы империализма не трудно обнаружить, как в одном, так и другом стане. Даже если допустить, что противники большевиков не преследуют территориальных захватов, то и тогда они не свободны от империализма, ибо преследуют иные захваты — идеологические и политические.

Следует ли обвинять анархистов из стран сателлитов, стоящих за войну с СССР? Колев говорит, что обвинять их нельзя, а я думаю, что можно. Если уж стоять за войну, то анархисты должны стоять за такую войну, которая направлена против всякой власти человека над человеком, а не только против власти Кремля.

Основная мысль т. Колева сводится к тому ,что если мы будем оставаться нейтральными или же активными антимилитаристами, то этим мы поможем большевистской агрессии. Поэтому анархисты, говорит Колев, должны, когда вспыхнет третья мировая война, примкнуть к стану антибольшевиков и выявить при этом свои идеи. Пожалуй, с некоторыми доводами т. Колева можно было бы согласиться, если бы от них не веяло утопией. Смеем заверить т. Колева, что если он выявит свои идеи перед теми, кто стоит во главе антибольшевистского похода, то не только от этих идей, но и от помощи т. Колева все начнут отмахиваться руками и ногами. Стало быть, придется выбирать: или сражаться за чужие идеи, а о своих молчать, или же сохранять полный нейтралитет.

По моему мнению — лучше последнее. Лить воду на чужую мельницу анархистам не следует. А о том, как выполнялись договоры с анархистами, свидетельствует исто-

рия: Махно заключал договоры, но что от этого получилось? Испанские анархисты во время гражданской войны в Испании тоже заключали договоры, даже входили в состав правительства ,но и с этими договорами тоже не считались те, с кем они заключались.

Лучше сохранять чистоту своих идей и не пускаться на рискованную авантюру. К тому же война и военщина—весьма заразительны. Вспомним, сколько светлых имен и чистых идей загрязнила первая мировая война?! Став на военную точку зрения, социалисты голосовали за военные бюджеты. Где гарантия, что т. Колев, вступив в коалицию с антибольшевиками, не станет одобрять все меры, проводимые последними?

Идеи — могущественний двигатель. Это старая истина. Особенно большую роль могут сыграть идеи теперь, после того, как рассеялись иллюзии многих божеств, а ложь большевистской идеи почти для всех уже очевидна; другая же сторона (анти-большевистская) не имеет почти никаких идей. Западные страны полагаются не на идеи, а на... атомные бомбы. Поэтому сохраненные в чистоте анархические идеи могут стать весьма важним фактором.

Рассуждения Колева могут привести к неожиданным заключениям, которые высказал Егоров в статье "Если завтра война," напечатанной в № 36 "ДТП" в порядке дискуссии, где он говорит, что "мы были бы неисправимыми оптимистами, если бы думали, что на смену большевизма в России придет безвластный строй." Разве это не полный отказ от анархизма? Разве не то же самое говорят всемозможные противники анархизма? Товарищ Колев тоже может сказать, что безвластный строгой — неисправимый оптимизм и что анархистам следует довольствоваться такими порядками, какие существуют в США. Одно лишь непонятно: если порядки в США справедливы, то зачем идти походом на Москву? Большевики разрушат эти порядки? Увы, аргументация таких лиц, как Егоров и Колев, меньше всего клонится к защите США. Их лейтмотив: что будет после свержения большевизма? Они имеют в виду не оборонительную, а наступательную войну.

Единомышленники т. Колева, как и он сам, указывают на то, что мы должны выбирать меньшее зло. В этом есть некоторая логика, но только кажущаяся. Повидимому, так рассуждали и те анархисты, которые подписали известную декларацию в 1916 году. Им тоже казалось, что Франция — меньшее зло, чем Германия, но после заключения Версальского договора они убедились, что Франция в смысле зла не уступает Германии. Всякое меньшее зло может вырасти в большее зло.

Несомненно, между диктатурой и демократией есть разница. Но где гарантия, что сегодняшняя демократия не превратится завтра в диктатуру? К тому же, не отрицая разницы между диктатурой и демократией, нельзя забывать, что есть еще одна разница, — разница между анархизмом, с одной стороны, и диктатурой и демократией — с другой. Этой последней разницы анархистам никогда не следует забывать, ибо как только они ее забудут, они перестанут быть анархистами.

Товарищ Колев и его единомышленники упускают из виду одно важное обстоятельство: они исходят из уверенности, что если вспыхнет третья мировая война, то она будет вестись под лозунгом возрождения всех народов, входящих в состав СССР. Конечно, анархисты никогда не одобряли и не будут одобрять порабощения одного народа другим, но в то же время они не могут способствовать установлению таких порядков, при которых возродившаяся нация, т. е. правительство от имени той или иной национальности, начнет преследовать инородцев. Идти в ногу с будущим Пильсудским или каким-либо гетманом — не дело анархистов. А то, что в обозе американской армии будут ехать в Киев, Варшаву, Ригу, Ковно и т. д. разные министры, — в этом не может быть сомнения, как и в том, что если им удастся достичь своего места назначения и получить власть в свои руки, то таким, как Колев и Егоров, они скоро покажут, где раки зимуют.

В заключение я должен возвратиться к тому, что было сказано в начале статьи: где народ, там и анархисты. Если же война — дело антинародное, то место наше — подальше от войны. Конечно, народ в своих стремлениях и действиях может иногда ошибаться, но это бывает лишь в исключительных случаях. В общем же, "глас народа — глас божий," т. е. требования народа — справедливы.

Иво Доля

Предмет истинного воспитания не только в том, чтобы заставлять людей делать добрые дела, но и находить в них радость, не только быть чистыми, но и любить чистоту, не только быть справедливыми, но алкать и жаждать справедливости. — *Джон Рескин.*

ЧАПЛИН И СТАЛИНСКИЕ ПРЕМИИ МИРА

Давно ходят разговоры о том, что известный комик Чарли Чаплин — большевик. Основой для этого служит, главным образом, то, что во время последней войны Чаплин жертвовал крупные суммы денег на оказание помощи красной армии и что он, прожив десятки лет в Соединенных Штатах, не сделался гражданином этой страны.

Нечего и говорить, что доводы эти сами по себе ничего не доказывают. Кто не оказывал помощи красной армии во время минувшей войны? Вся страна (США) давала эту помощь. Тот же факт, что Чаплин не позаботился о принятии американского гражданства не имеет никакого отношения к большевизму. Наоборот, этот факт скорее всего свидетельствует об его антигосударственности, ибо *большевики, как истые государственники, при первой же возможности, становятся гражданами США.*

Большевики, несомненно, польщены подобными разговорами и всячески стараются их подтвердить. С этой целью, повидимому, и была присуждена Чаплину (а также и Шостаковичу) Сталинская премия мира за 1953 год. Чаплин, конечно, мог бы от этой премии просто отказаться, но он сделал это не просто, а артистически: от премии не отказался, но и не принял ее. Он распорядился, чтобы причитающаяся ему сумма денег (около 14 тысяч дол.) была разделена между тремя городами — Лондоном, Веной и Женевой — и предана в ведение *антимилитаристических* организаций.

Церемония вручения диплома премии мира состоялась на вилле Чаплина недалеко от Женевского озера. Диплом привезли из Берлина, — где происходило заседание совета мира и где была присуждена премия, — французский писатель Веркор, английский проф. Синг, писатель одной средне-американской республики Саламеа и швейцарский проф. Боннар. В ответной декларации Чаплин, между прочим, заявил:

> "Желание мира носит всеобщий характер. Откуда бы это требование ни исходило — от Востока или от Запада, — оно, по моему мнению, шаг в верном направлении. Я, конечно, польщен и счастлив присуждением мне награды. Однако, я не претендую на знание всех ответов на проблемы, угрожающие миру, хотя и знаю, что нации никогда не разрешат этих проблем в атмосфере ненависти и недоверия. Не разрешат они их также и угрозами засыпать противника атомными бомбами. Производство этого ужасного оружия скоро будет известно всем; скоро все нации — большие и малые — будут им владеть. В нашу эру атомной науки нации должны были бы думать о вещах менее устарелых и более конструктивных, нежели использование насилия для разрешения своих разногласий. Стремление приучить народы к мысли о неизбежности войны с применением водородной бомбы, со всеми ужасами, какие она несет, представляет собой преступление против человеческого духа и является семенем общего безумия. Отдалим от себя эту тлетворную атмосферу безнадежности; приложим усилия к тому, чтобы взаимно понять наши проблемы. В современной войне не может быть победы ни для кого. Поэтому мы должны взять на себя обязательства вернуться к тому, что является естественным и здоровым в человеке — к духу доброй воли, которая служит основой всякого вдохновения, всякого творчества, всего, что является в жизни прекрасным и достойным. Будем работать в этом направлении; будем способствовать достижению славной эры, когда все нации будут процветать."

Как все это не похоже на то, что большевики говорят в подобных случаях! Американский писатель, Ховард Фэст, напр., при получении Сталинской премии слов не находил для восхваления СССР и поношения США. А между тем, обида Фэста состояла лишь в том, что Вашингтон отказал ему в разрешении на поездку в Москву для получения премии, вручение которой состоялось в Нью Иорке в одном из лучших отелей. Обида Чаплина неизмеримо больше: он буквально изгнан из страны. Если бы Чаплин, действительно, был большевиком, он воспользовался бы этим случаем для того, чтобы обрушиться на США, с одной стороны, а с другой — вознести до небес порядки царящие в СССР. Ни того, ни другого он не сделал. В его заявлении нет ни малейшего намека на пресмыкательство перед большевиками или перед другими сильными мира сего. Все заявление — от начала до конца — проникнуто гуманностью, стремлением к мирной и свободной жизни всех народов.

Такое пожелание, как отказ от применения насилия для разрешения разногласий, — никак не вяжется с большевизмом. У большевиков именно все разногласия разрешаются насилием. Не вяжется с большевизмом и дух свободной воли. Никакой свободной воли не признают большевики. Все должны действовать по приказу свыше. Под "славной эрой," когда все нации будут процветать, Чаплин имеет в виду не большевизм, а такой социальный порядок, когда применение насилия, как по отношению к отдельным нациям, так и по отношению к отдельным личностям,

ВЗАИМОПОМОЩЬ, КАК ОСНОВА ЖИЗНИ*

(Продолжение)

Итак, история поставила перед народными массами новые организационные задачи. Не все сумели справиться с новыми историческими задачами. Те, которые не сумели удовлетворить запросам времени, исчезли с арены истории.

"Но более энергичные племена не распались," — пишет П. А. Кропоткин, — "они вышли из испытания, выработавши новый общественный строй, — деревенскую общину, — которая и продолжала их объединять в течение следующих пятнадцати или даже более веков. У них выработалось представление об общей территории земли, приобретенной ими и защищаемой их общими усилиями, и это представление заступало место угасавшего уже представления об общем происхождении. Их боги постепенно потеряли свой характер предков и получили новый — местный, территориальный характер. Они становились божествами или впоследтсвии святыми данной местности. "Земля" отождествлялась с ее обитателями. Вместо прежних союзов по крови, вырастали земельные союзы, и этот новый строй, очевидно, представлял много удобств при данных условиях. Он признавал независимость семьи и даже усиливал эту независимость, так как деревенская община отказывалась от всяких прав на вмешательство в то, что происходило внутри семьи; он давал так же гораздо больше свободы личной инициативе; он не был по существу враждебен союзам между людьми различного происхождения, а между тем, он поддерживал необходимую связь в действиях и мыслях общинников; и, наконец, он был достаточно силен, чтобы противостоять властолюбивым наклонностям меньшинства, слагавшегося из колдунов, жрецов и профессиональных или прославившихся воинов. Вследствие этого новый строй стал первичной клеточкой всей будущей общественной жизни, и у многих народов деревенская община сохранила этот характерь до настоящего времени."

Стадию деревенской общины пережили или переживают, как показали новейшие исследования, решительно все народы при переходе от родового быта к высшим формам культурной жизни. Само собой разумеется, что разнообразие внешних условий (от полюсов до экватора и от горных хребтов до необозримых равнин) наложило свой отпечаток на формы общинного быта, но, тем не менее, все деревенские общины отличаются целым рядом типичных для них элементов. Среди этих последних особого внимания заслуживает организация временной помощи, принимающей в общинной жизни некоторых народов прямо-таки величественный размах. И развитие взаимной помощи внутри общинных организаций — явление глубоко естественное: ведь, община, вытеснив род, приняла на себя и все его функции, а мы уже несколько раз повторяли, что без взаимной помощи человек и человеческое общество существовать не могли бы. Приведем же несколько примеров взаимной помощи, развившейся на почве общинных отношений.

Подобно тому, как совместная охота и рыбная ловля являются заурядным явлением в жизни многих родовых организаций, так совместная обработка земли постоянно наблюдается в общинах самых разнообразных племен и народов. Многочисленные факты этого рода твердо установлены относительно германских и франкских племен, а также древних шотландцев, ирландцев и валийцев. Эти навыки совместной общинной обработки земли настолько глубоко проникли в жизнь народных масс, что многие из этих навыков пережили и самый общинный строй.

"Даже в совершенно романизированной Франции, — говорит П. А. Кропоткин, — общинная пахота была обычным явлением всего каких-нибудь 25 лет тому назад в Морбигане (Бретань). Старинный уэльский сууаг, или сборный плуг, мы находим, напр., на Кавказе, а общинные обработки земли, отведенной в пользование сельского святилища, представляют обычное явление у кавказских племен, наименее затронутых цивилизацией; подобные же факты постоянно встречаются среди русских крестьян. Кроме того, хорошо известно, что многие племена Бразилии, центральной Америки и Мексики обрабатывали свои поля сообща и что тот же обычай широко распространен по сию пору среди малайцев, в Новой Каледонии, у некоторых негритянских пле-

---

станет, действительно, ненужным и невозможным. Тогда, действительно, проявится дух свободной воли в виде безграничного творчества и вдохновения. Но тогда будет не большевизм, а безвластие.

Выше приведенная декларация Чаплина заимствована из большевистских источников. Так как большевики беспристрастием никогда не отличались, то, надо полагать, что декларации Чаплина они тоже придали желательный для них тон. Нет сомнения, что в подлиннике декларация еще более далека от большевизма. *К.*

---

* См. начало в № 43 "ДТП."

мен и т. д. Короче говоря, общинная обработка земли представляет такое обычное явление у многих арийских ,урало-алтайских, монгольских, негритянских, краснокожих индейских, малайских и меланезийских племен, что мы должны смотреть на нее, как на всеобщую — хотя и не единственно возможную форму первобытного земледелия..."

Само собой разумеется, что общинная обработка земли не влечет еще за собой потребления сообща. Напротив того, продукты, выращиваемые сообща ,обыкновенно разделяются между отдельными семьями, которые и потребляют их уже по своему усмотрению. Однако общественные пирушки, устраиваемые по поводу различных торжественных случаев (напр., по случаю окончания полевых работ), сохраняются в качестве прочно установленного обычая в течение многих столетий в самых разнообразных уголках земли. Точно также в качестве пережитка на долгое время сохраняются обычаи совместного исполнения некоторых работ на долгое время после того, как общинная обработка земли в целом уже перестала существовать. "Некоторая часть общинной земли до сих пор во многих местах обрабатывается сообща, в целях помощи неимущим, а также для образования общинных запасов, или же для употребления продуктов подобного труда во время религиозных празднеств. Ирригационные каналы роются и чинятся сообща. Общинные луга косятся миром; и одно из самых вдохновляющих зрелищ представляет русская деревенская община во время такого покоса, когда мужчины соперничают друг с другом в широте размаха косы и быстроте косьбы, а женщины ворошат скошенную траву и собирают ее в копны..."

Во многих случаях внутри деревенских общин развиваются и другие формы взаимной помощи. У так назваемых "братских" бурят каждый бессемейный и бесприютный бедняк имеет право рассчитывать на долю пищи и на ночевку в каждом зажиточном доме. Эти нравы поразили первых русских поселенцев и завоевателей, и они писали про этих бурят в Москву: "у нас все сообща; все, что у них есть, они делят между всеми." Откуда и пошло их прозвище: "братские." Купля и продажа у них совершенно не допускается в пределах общины: помощь должна быть оказываема даром. "Замечу," — прибавляет П. А. Кропоткин, — "что такой обычай насчет купли-продажи существует не у одних бурят: он так широко распространен между современными варварами, — арийцами и урало-алтайцами, — что он должен был быть всеобщим у наших предков." Огромных размеров взаимная помощь достигает у кабилов, не знающих никакой власти, кроме власти деревенской общины и федерации деревенских общин. Организация управления самая демократическая, какую только можно себе представить. Всякие обязательства для жителей данной общины устаанвливаются путем сделанных решений всех жителей ее; подобным же образом назначаются представители исполнительной власти — старшина, писарь, казначей. "Помочи" широко практикуются во всех работах, при чем на всякий призыв являются безразлично как богатые, так и бедные члены общины. Повсюду в общинах часть полей и садов обрабатываются сообща и продукты, полученные таким образом, употребляются на содержание беднейших членов общины. Мясо для бедных покупается на общественный счет. Если какая-нибудь семья убивает овцу или быка не в базарный день, то глашатай оповещает об этом событии все улицы деревни для того, чтобы больные и беременные женщины, не имеющие средств купить мясо, могли бы даром получить свою долю. Многочисленные обычаи взаимной помощи встречаются, как показали работы выдающегося русского исследователя М. Ковалевского, у кавказсских горцев... Но "приводить дальнейшие примеры," — говорит П. А. Кропоткин, — "значило бы уже повторяться — так поразительно походят друг на друга варварские общины, не взирая на разность климатов и рас. Один и тот же процесс эволюции совершался во всем человечестве с удивительным однообразием..."

Развитие и рост деревенских общин продолжался в течение многих столетий. Когда на исторической сцене появились новые классы, новые силы, — деревенские общины еще долгое время продолжали защищать свою самостоятельность и отстаивать права своих членов. Таковой была, напр., борьба средневековых городских и деревенских общин с феодалами и представителями новых европейских монархий. Деревенские общины продолжали существовать долгое время совместно с новыми формами общения и взаимной помощи, выдвинутыми новыми запросами средневековой эпохи. Мы имеем сейчас в виду — гильдии, которым мы и посвятим несколько ближайших строчек. Для того, чтобы усвоить сущность этой общественной организации, достаточно бу-

дет присмотреться к следующему примеру. Когда ганзейский корабль уходил в дальнее плавание, то через первые же полсуток пути капитан собирал весь экипаж и всех пассажиров и обращался к ним со следующей речью:

"Так как мы теперь находимся в воле Бога и волн, то мы все должны быть равны друг другу. И так как мы окружены бурями, высокими волнами, морскими разбойниками и другими опасностями, то мы должны поддерживать строгий порядок, дабы довести наше путешествие до благополучного конца. Поэтому мы должны помолиться о попутном ветре и добром успехе и, согласно морскому закону, избрать тех, которые займут судейские места." В конце плавания избранные судьи слагали с себя обязанности, обращаясь к экипажу со следующими словами: "Все, что случилось на корабле ,мы должны простить друг другу и считать как бы мертвым. Мы судили по справедливости и в интересах правосудия. Поэтому просим вас всех, во имя честного правосудия, забыть всякую злобу, какую можете питать друг на друга, и поклясться на хлебе и соли, что не будете вспоминать о прошлом с враждой. Но если кто-нибудь считает себя обиженным, то пусть он обратится к ландфогту (судья на суше) и до заката солнца просит у него правосудия..."

Таким образом, мы видим, что группа лиц, зинтересованных в общем деле, организуется, несмотря на присутствие официальной власти (в данном случае капитана) в самостоятельную и самоуправляющуюся общину, которая общими силами устнавливает порядок, необходимый для благополучного исхода данного предприятия. Гильдиями такого рода была переполнена средневековая Европа.

"Что же касается до братского характера средневековых гильдий, — читаем мы у П. А. Кропоткина, — то для выяснения его можно воспользоваться любым гильдейским статутом. Если взять, например, 'Скраа' какой-нибудь древней датской гильдии, мы прочтем в ней, во-первых, что в гильдии должны господствовать общие братские чувства; затем идут правила относительно само-юрисдикции в гильдии, в случае ссоры между двумя гильдейскими братьями, или же между братом и посторонним; и, наконец, перечисляются общественные обязанности братьев. Если у брата сгорит дом, если он потеряет свое судно, или пострадает во время богомолья, то все братья должны прийти на помощь ему. Если брат опасно заболеет, то два брата должны пребывать у его постели, пока не минует опасность, а если он умрет, то братья должны похоронить его — не маловажная обязанность в те времена частых эпидемий — и проводить его до церкви и до могилы. После смерти брата, если оказывалось необходимым, они обязаны были позаботиться о его детях, очень часто вдова становилась сестрою в гильдии... Вышеуказанные две главные черты встречаются в каждом из братств, основанным для какой бы то ни было цели. Во всех случаях члены именно так относились друг к другу и называли друг друга братьями и сестрами; в гильдии все были равны..."

Таким образом, средневековые гильдии являются организациями, в которых взаимная помощь нашла широкое приложение. Насколько узы, создаваемые гильдиями, были могучими средствами объединения, об этом можно судить по той борьбе, которую они совместно с деревенскими общинами так долго вели против феодального засилья, и по той роли, которую гильдии сыграли в процессах образования вольных городов европейского средневековья, составивших собою и очень важную фазу человеческой культуры.

(Окончание следует)

Проф. В. Тотомианц.

Библиография

ВОСПОМИНАНИЯ КООПЕРАТОРА

Имя профессора В. Ф. Тотомианца, как кооперативного деятеля, широко известно в кооперативных кругах России и заграницей. Его популярность в этих кругах была особенно сильна в первый период русской революции 1917 г., когда казалось, что освобожденная от царизма страна начнет строить новую жизнь на свободных кооперативных началах. В период добольшевистской революции кооперация объединяла в России многочисленные слои населения и даже целые народности и достигла в своем развитии наивысшего подъема. Но пришедшие к власти большевики постепенно ликвидировали кооперативы, превратив их в зависимые от государства правительственные органы. Они приостановили издание единственного в стране кооперативного журнала "Кооперативный Мир," выходившего под редакцией Тотомианца, и ликвидировали основанное им кооперативное издательство, выпустившее несколько книг по кооперации.

Проф. Тотомианц, армянского происхождения, родился 3 февраля 1875 г. в Астрахани. Высшее образование он получил в России и заграницей. Примкнув в 1902 г. к кооперативному движению, он с тех пор неустанно участвует в нем и словом и делом. Благодаря своим личным качествам: необыкновенной энергии, способности объединять людей вокруг полезного дела и активному участию в русском и заграничном кооперативном движении, он развил широкую деятельность и внес большой вклад в кооперативное дело. Он автор нескольких замечательных книг по кооперации, экономике и рабочему движению, изданных в ряде стран на разных языках, как, например, "Теория, практика и история кооперации," "История экономических учений," "Формы рабочего движения," "Мощь кооперации," "Кооперативная хрестоматия" и др. Одной из его последних работ является книга "Из моих воспоминаний," в которой он подводит итоги своей полувековой кооперативной и литературно-научной

деятельности. Книга, имеющая 210 страниц, дает яркую по содержанию и фактическому материалу картину творческой деятельности Тотомианца-кооператора. Она раскрывает перед читателем пока еще мало известную область кооперативного движения, которое в настоящую критическую эпоху человеческой истории приобретает особенно важное занчение, как своим миролюбием, так и в особенности духом свободного строительства.

Проф. Тотомианц рассматривает кооперативное движение в тесной связи с хозяйственной жизнью человечества и считает его прогрессивным фактором развития и построения разумного человеческого общества. Согласно его взлядам, кооперация устраняет борьбу и соперничество среди враждебных классов и народов, очищает, так сказать, Авгиевы конюшни капиталистического общества и этически облагораживает людей. В ней он устанавливает три важных фактора: экономический, культурный и этический. Кооперация объединяет людей на почве производительных и потребительных союзов, ставящих себе целью удешевление всего необходимого для нужд питания и жилищ и устранение эксплоатации рабочей массы. Затем, в ее деятельность вступает культурно-просветительный фактор: прибыли от кооперативных предприятий употребляются на просветительные цели, как устройство школ, библиотек, лекций, издание книг и т. п. И, наконец, третий фактор этический: кооперация, воспитывая людей в духе взаимопомощи и солидарности, устанавливает между ними нормальные отношения, ведущие к дружной и мирной жизни.

"Я верю, — пишет проф. Тотомианц, — что кооперативная организация, не основанная на классовой борьбе и ненависти, может улучшить жизнь и сделать людей менее несчастными, не только требуя от них подъема ,но и давая им материальную возможность для такого подъема. Я считаю, что социализм, коммунизм и анархизм очень трудно осуществить в идеальной форме. Кооперативная же организация является удачной комбинацией идеализма с материализмом и одновременно служит и телу и душе" (стр. 108).

Как человек разностороннего образования и знаток иностранных языков, проф. Тотомианц хорошо знаком с кооперативным движением не только в России, но и других стран. Путешествуя по Англии, Германии, Италии и Франции, организуя кооперативные союзы, читая лекции и доклады на кооперативных съездах и сотрудничая в "Кооперативной Энциклопедии" и во многих журналах и газетах, — он везде и всюду распространял и защищал близкие его душе идеи кооперации. Он был первым, введшим в России в широкое употребление слово "кооперация" (до него употреблялось слово "артель"), и одним из основоположников интернационального кооперативного движения. И, как живой образ идеального кооператора, он по праву может считаться пионером и апостолом кооперации.

Живя долгие годы заграницей, проф. Тотомианц в разное время и при различных обстоятельствах встречался с такими видными представителями социалистического и анархического движения, как Ж Жорес, В. Либкнехт, Ж. Грав, С. Фор и Элизе Реклю; лекции последнего — по биологии и географии — ему пришлось слушать в Брюссельском университете. О них он любовно вспоминает в своей книге, а об Элизе Реклю замечает, что "он был не только прекрасным профессором ,но и прекрасным человеком."

Как кооператор, убежденный, что счастье на земле наступит в результате взаимопомощи и содружества народов, проф. Тотомианц далек от признания или защиты той или иной партийной идеологии. Но, как человек широкого кругозора и сторонник свободной, независимой от государства кооперации, он близко стоит к анархизму, признающему идеи взаимопомощи, кооперации и свободного общежития. Во всяком случае, можно без большого преувеличения сказать, что он принадлежит к числу тех свободно-мыслящих интеллектуалистов, которые давно уже поняли и разделяют ту элементарную истину, что необязательно быть социалистом или анархистом, но знать социализм и анархизм и их различные течения должен всякий интеллигентный человек, независимо от его образования и социального положения. И при этом будет нелишним отметить, что под его редакцией, много лет тому назад, именно в 1908 году, вышел в русском переводе обширный труд итальянского профессора Г. Цокколи "Анархизм," считающийся по своему глубокому аналитическому исследованию самой лучшей монографией по анархизму.

Книга "Из моих воспоминаний" читается с большим интересом и наводит читателя на мысли об устройстве разумной кооперативной жизни.

Л. Липоткин

"ПЕРЕД БУРЕЙ"

"Перед бурей" — так называется книга воспоминаний известного революционера Виктора Чернова (1873-1952), недавно вышедшая в издательстве Чехова с предисловием историка Б. Николаевского и при содействии Д. Шуба — знатока русского освободительного движения. Книга начинается автобиографическим повествованием автора о своем детском воспитании, студенческом периоде жизни и участии в революционном движении, параллельно перемежаясь рядом кратких характеристик большого числа русских революционных деятелей и небольшим обзором двух революций 1905 и 1917 годов, в которых он принимал участие. На протяжении более 400 страниц он увлекательно рассказывает, как об этом вообще, так и о многих других эпизодах и событиях, связанных с его сознательной жизнью революционера.

Молодым студентом Чернов примкнул к народовольческому движению, начавшемуся с так называемого "хождения в народ." Первые русские революционеры шли в народ с целью мирной пропаганды идей свободы и социализма. Они глубоко верили в правоту своих идей и считали, что народ, а под ним они разумели, главным образом, многомиллионное крестьянство, воспримет эти идеи и охотно объединится с ними в деле переустройства его горькой жизни на лучших, социалистических началах. Но начавшиеся правительственные преследования скоро положили конец мирным мечтаниям пропагандистов-народников. Аресты, тюрьма и ссылка, однако, не приостановили их деятельности. На правительственный разгром они ответили уходом в революционную работу. Наиболее героические натуры избрали новым средством борьбы террор, преимущество которого давало естественный выход накипевшим чувствам мести за понесенные жертвы и ненависти к наиболее жестоким сатрапам.

В 1894 г. Чернов на самом себе испытал силу

правительственных преследований: он был арестован в Москве за принадлежность к народовольческому кружку и просидел за это "преступление" 9 месяцев в Петропавловской крепости. Допросы арестованного производил прославившийся поровокаторским действием жандармский полковник Зубатов, начавший свою служебную карьеру с уговоров революционеров покориться правительству и мечтавший о насаждении в России полицейского социализма. Он старался психологически повлиять на Чернова в надежде, что тот не допустит гибели своей молодой жизни. Но он ничего не добился от стойкого революционера. После освобождения из тюрьмы Чернов перешел на нелегальное положение, а затем оставил пределы России и уехал заграницу — в Швейцарию.

В Цюрихе ему пришлось близко познакомиться с Плехановым, Лениным, Мартовым и другими представителями русского марксизма, а также с Русановым, Житловским и Гершуни — представителями народнического движения. Между марксистами и народниками в то время происходили ожесточенные споры о борьбе русского пролетариата и крестьянства, о политической свободе, о социализме и других проблемах. Чернов принимал большое участие в этих идеологических спорах и всегда защищал народническую идеологию. И когда в России в 1901 г. официально сложилась родственная этой идеологии партия социалистов-революционеров, признавшая неизбежным средством борьбы политический террор, многие заграничные группы и отдельные лица, в том числе и Чернов, примкнули к ней и начали вести усиленную пропагандистскую и революционную деятельность.

Кратко, но красочно Чернов рассказывает о посещении "бабушкой" Брешковской в 1904 г. и Гершуни в 1906 г. США в интересах партии социалистов-революционеров. Восторженный прием, оказанный этим двум знаменитым борцам прогрессивной частью русской трудовой колонии, превзошел всякие ожидания и значительно поднял престиж этой партии. Их публичные выступления закончились большим моральным и финансовым успехом.

Русская революция 1905 г. застала Чернова заграницей. Он рвался "домой," на родину, чтобы на месте принять активное участие в начавшемся водовороте освободительной борьбы и отдать свои силы на служение революции. В конце этого года он уже был в Петербурге и с первых дней принимал активное участие в конференциях Всероссийского Крестьянского Союза, Профсоюза печатников и учителей и в совещаниях впервые созданного Совета Рабочих Депутатов; выступал с речами на массовых митингах, сотрудничал в журналах и газетах и все время носился с планом издания в России легального эсеровского органа. Но кратковременный период объявленных свобод скоро сменился черной реакцией и он вынужден был снова оставить Россию и уехать заграницу.

Вскоре после февральской революции Чернов возвратился в Россию, преисполненный надежд на долгое пребывание и активную деятельность. Но наступивший, вследствие разногласий, глубокий кризис эссеровской партии, расколовший ее на "правых" и "левых," и начавшиеся репрессии со стороны пришедших к власти большевиков нанесли большой удар, как вождям, так и рядовым членам этой в свое время славной партии. Почти все эсеровские организации и группы были разбиты и распылены, а уцелевшие отдельные члены были либо арестованы, либо высланы из пределов страны. Партия социалистов-революционеров была объявлена большевистской властью незаконной. Сам Чернов, которого большевики усиленно искали, перешел на нелегальное положение, долгое время скрывался, а затем уехал во Францию, где он прожил до 1939 г.

В начале Второй мировой войны Чернов переехал в США. Поселившись в Нью Иорке, он последние годы своей жизни посвятил литературной деятельности: сотрудничал во многих социалистических журналах и подготовлял к печати некоторые свои произведения. Он автор многих изданных трудов по истории, социологии, аграрному вопросу и марксизму, как, например, "История русской революции," "Пролетариат и крестьянство," "Конструктивный социализм," "Итоги марксизма," "Записки социалиста-революционера" и др. Из последнего произведения и была составлена (уже после его смерти) книга воспоминаний "Перед бурей."

Воспоминания Чернова принадлежат к тем захватывающим читателя произведениям, которые следует прочесть "в один присест." Уже с первых страниц они держат его в напряженном настроении ознакомиться с ходом дальнейшего описания. В них рассказано, где кратко, а где и подробно, много интересных деталей и эпизодов из жизни, борьбы и страданий, как самого автора, так и в особенности многих славных русских борцов — мужчин и женщин, — посвятивших свою жизнь делу освобождения России и от царского деспотизма и от большевистского коммунизма. **Л. Л.**

...Рабочим уже пора почувствовать, что спасение их только в том, что стоит им только исполнять закон взаимности, и положение их тотчас же улучшится, улучшится в той мере, в которой будет увеличиваться число людей, поступающих с другими так, как они хотят, чтобы поступали с ними. И это не слова, не отвлеченные рассуждения, как религиозные, государственные, социалистические, научные теории, а действительное средство освобождения. — *Л. Н. Толстой.*

***

Лишь того я назову верным возничим, кто сдерживает свой гнев, несущийся подобно стремительной колеснице; другие же, бессильные, только держатся за поводья.

Буддийская мудрость.

***

Если, обремененный неприятными делами, ты чувствуешь приступ гнева или возмущения, то спеши уйти от самого себя и не поддавайся впечатлениям, могущим лишить тебя самообладания. Чем более упражняемся в том, чтобы силою воли вернуться к спокойному настроению души, тем способность удерживать спокойствие духа усиливается.

Марк Аврелий.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ. — Дорогие товарищи, некоторое время тому назад мы имели удовольствие получить ваше письмо. Мы того мнения, что переписка с вами должна вестись более усиленно, так как это важно для нашего движения, которое в настоящее время, расширяясь в мировом масштабе, вошло в новую фазу развития. Приближается момент, когда все наши группы должны жить и развиваться как одно целое. Это означает рост нашей организационной силы, ибо этим путем мы сможем популяризовать наши идеи и убеждения в широких народных массах. Приближается момент, когда мы должны будем поступиться своими личными интересами и желаниями во имя прогресса наших анархических идей: только самоотверженностью мы сможем достигнуть социально-политического и экономического равенства. Поэтому группа в Новой Зеландии совершенно согласна с призывом детройтских товарищей — усилить нашу деятельность, чтобы скорее реализовать вековые чаяния угнетенных рабочих масс. Ведь только упорной и самоотверженной деятельностью удалось Бакунину, Кропоткину и многим другим пробудить народные массы к организационной самодеятельности.

В настоящее время я читаю одну из лучших книг нашего времени — "Историю развития анархических идей," написанную Максом Неттлау. Должен сказать, что никогда в прошлом я не был так воодушевлен, как после прочтения книги Неттлау, детально изложившего процесс развития анархических идей. Вот почему без активного участия в движении не может быть оправдания каждому анархисту, ограничивающемуся лишь мечтаниями о свободной жизни, но не прилагающего усилий для ее осуществления. Большое спасибо детройтским товарищам за издание книги М. Неттлау и за их призыв к организационной деятельности. **Зл. Златков.**

КЛАГЕНФУРТ, Австрия. — Здравствуйте, дорогие тт. "делотрудовцы""! Очень благодарен вам за то, что не забываете меня и регулярно посылаете ваш журнал "ДТП." Читая ваш журнал, я пришел к убеждению, что идеал безвластия может покоиться только на абсолютной честности, т. е. если бы всякий и каждый был честным, то идея безвластия была бы осуществлена сама собой, ибо иначе не могло бы и быть. Но так как есть много людей, которые стремятся жить лучше, чем их ближние, и командовать другими, поэтому идея безвластия не может осуществиться сама по себе, даже жертвенность малочисленной организации анархистов не скоро приблизит ее осуществление, ибо корень зла заключается в эксплуатации человека человеком. Еслибы человек стремился жить только своим честным и общеполезным трудом, тогда он не мог бы стремиться жить лучше других. А при таком положении вещей общественная собственность на орудия и средства производства должна придти сама собой, ибо иначе не могло бы и быть. Следовательно, при общественной собственности всякий имеет право получать столько, сколько ему нужно, и производить для общего потребления столько, сколько его силы и способности позволяют ему. Разумеется, жить личным трудом в обществе равных нужно понимать не по-большевистски (большевизм есть ложь и обман), а свободно и независимо, без власти и угнетения человека человеком.

Дорогие друзья, последний (№ 44) выпуск вашего журнала нахожу особенно ценным. Живу я среди населения, которое говорит и читает только по-немецки, поэтому распространять здесь ваш ценный журнал не могу. Если имеется анархический журнал на немецком языке, — пришлите. Здесь, как и везде, есть много сознательных и злостных марксистов, но есть и честные люди. Большинство же — темные люди. Им-то я хотел бы преподнести ваши труды.

С тов. приветом **М. Савастьянов.**

ЮНГСТАУН, Охайо. — Уважаемые товарищи! Обращение Детройтского Профсоюза, напечатанное в № 44 "ДТП," заслуживает серьезного внимания. Последний его пункт, призывающий старых товарищей (100 активистов) внести по 25 д. на издание журнала, считаю вполне правильным и своевременным. А что касается поднятия активности на местах, то, по моему мнению, лучше всего послать в лекционный тур товарища, который владеет английским языком. Что же касается выпуска журнала "ДТП," то вместо 32 страниц выпускать журнал в 16 страниц, но чаще. Статья о Прудоне растянута. Помещайте более сжатые статьи.

С тов. приветом **А. Локшин.**

БЭЙ ПОРТ, Мичиган. — Привет вам и самые лучшие пожелания быть бодрыми и смелыми в борьбе за лучшее будущее человечества. Прочитывая журнал "ДТП," я восхищаюсь смелостью мысли его сотрудников. Разоблачая преступную роль государства и церкви, как институтов насилия и затемнения, вы оказываете неоценимую услугу человечеству, очутившемуся в тупике по воле сильных мира сего. Я сочувствую вашему неоценимому терпению и гуманному отношению к людям, к их человеческому достоинству. И не может быть никакого сомнения в том, что проповедуемая вами идея анархизма облагораживает людей, повышает их духовные силы и пробуждает сознание. Она стоит выше всех авторитарных доктрин, ведущих человечество по извилинам и ухабам от одной военной катастрофы к другой, от одной системы рабства — к более худшей и к неизбежной гибели. Как видно, только под знаменем анархии человечество обретет мир, разумную, вольную жизнь и справедливые отношения в международном сотрудничестве. Мои физические силы очень слабы, зрение плохое и едва прочитываю газеты и журналы. Посылаю 10 дол. в фонд "ДТП" на продолжение издания уважаемого журнала. **А. Байченко.**

ЮНГСТАУН, Охайо. — Уважаемые товарищи, посылаю вам на "ДТП" 44.50, которые составились из следующих поступлений: от итальянских товарищей — 20 д., от друзей покойного т. Слаутича в Нью Кэстль — 10 д., от Я. Ткачука — 2 д., от С .Медынича за проданные номера журнала — 2.50, в издательский фонд — 5 д. и от К. Семеноса — 5 д. в фонд "ДТП." **С. Медынич.**

ЧИКАГО, Иллиной. Прилагаю денежный перевод на 22 д., из коих 12 д. — выручка от продажи № 44 "ДТП" и 10 д. — пожертвование т. Новина в фонд журнала "Дело Труда-Пробуждение." **И. Волков.**

СТЭЙТ САНАТОРИУМ.—В фонд журнала "ДТП" посылаю 10 д. и желаю вам успеха в вашей плодотворной работе на благо человечества. **П. Кунавич.**

ФИЛАДЕЛЬФИЯ, Пенн. — Дорогие товарищи, посылаю 3 д. в фонд журнала "ДТП." Буду и в

дальнейшем оказывать помощь журналу, дабы вы смогли выпускать журнал чаще и усилить пропаганду идей безвластия, свободы и равенства.

С тов. приветом **А. Южик.**

С-ЛУИС, Мизури.—Уважаемые товарищи, в пользу журнала "ДТП" поступили пожертвования от следующих товарищей: А. Мошков — 2 д., М. Радивончик — 5 д., Хведченя — 10 д., Бездомный — 10 дол. и 1.75 — подписка. **М. X.**

БРИДЖПОРТ, Конн. — В издательский фонд журнала "ДТП" посылаю 5 д. и желаю вам успеха в борьбе за свободу и справедливость для всех.

С тов. приветом **Иван Кердель.**

ЛЭЙКВУД, Нью Джерзи. — Посылаю 3 д. на журнал "ДТП" и обещаю оказывать поддержку журналу и в будущем по силе возможности. **С. П.**

ХЕМПСТЕД, Н. И. — Посылаю вам 7 д., из коих 2 д. в счет подписки и 5 д. в издательский фонд журнала "ДТП." Желаю вам успеха в укреплении издания журнала "ДТП," который крайне нужен в наше взбаламученное время **В. Р.**

ТОРОНТО, Канада. — В ответ на ваш призыв о помощи журналу посылаю 10 д., собранных среди нескольких товарищей, желающих, чтобы журнал "ДТП" выходил чаще и чтобы наш голос свободы, равенства и братства был услышан трудящимися, жаждущими освобождения от всех форм рабства.

С тов. приветом **П.**

ЧИКАГО, Иллиной. — Благодарю вас, что вы не забываете меня и продолжаете посылать мне журнал "ДТП." Посылаю в фонд журнала 10 д. и жалею, что не могу уделить больше на доброе и справедливое дело. **Родион Бирюков.**

МОНТЕКА, Калифорния. — Прилагаю 5 д. на ваш полезный журнал Ве.сьма радостно знать, что при столь трудных обстоятельствах, когда народы затемняются мракобесием, ваш журнал продолжает освещать путь к выходу из тупика. **С. Р.**

БОСТОН, Мэссачузетс.—В фонд журнала "ДТП" посылаю 3 д. — на усиление дела освобождения трудящихся от всех форм эксплуатации. **С. Семенов.**

ВОТЕРБУРИ, Конн. — Посылаю в издательский фонд "ДТП" 5 д., постараюсь еще выслать в скором будущем. Ведь очень желательно ,чтобы журнал выходил чаще и все ярче освещал путь к выходу из "заколдованного" круга, в котором мечется человечество, опутанное властелинами. **Г. С.**

МЭЙПЛВУД, Нью Джерзи. — Прочитал в "НРС," что вышел очередной номер журнала "ДТП," а я его до сих пор не получил. Посылаю вам 1 д. и ожидаю получения № 44 уважаемого журнала.

С приветом **Петр Бойко.**

БЭЙ СИТИ, Мичиган. — Совесть подсказывает мне, что за прошлый год не послал вам подписку на журнал, поэтому прилагаю чек на 6 д. **Петр Бир—в.**

ДЖОНО, Аляска. — В счет подписки на журнал "ДТП" посылаю 1 д. **Старый Рыбак.**

СОЛТ ЛЭЙК СИТИ, Юта. — При этом прилагаю один доллар наличными — мою посильную лепту на упрочение финансового положения "ДТП." Я с большим интересом читаю Ваш журнал. Я полагаю, что анархизм — идеальная форма правления, но, к сожалению, не осуществима на практике. Может быть в будущем. **Ал. Бе—ков.**

НЬЮ КЭСТЛЬ, Пенн. — Как вам известно, здесь жил один человек, который заботился о журнале "ДТП." К сожалению, костлявая его убрала преждевременно. Присылайте журнал мне для распространения. Охота и самому читать журнал, хотя я уже плохо вижу. Книг же никаких не присылайте, т. к. покойный Слаутич оставил много книг. Мне кажется, что он не уплатил за проданные номера журнала, поэтому посылаю 10 д. в уплату за номера и в фонд "ДТП." **Антон Пилипчук.**

КЭНЗАС СИТИ, Кэнзас. — Примите от меня 10 дол. в фонд "ДТП." Всегда с вами за свободу, справедливость, равенство и братство. **С. Горелик.**

ЮНГСТАУН, Охайо. — В фонд "ДТП" посылаю 2 д. и очень сожалею, что не могу послать больше на столь нужное и благородное дело. Моя болезнь держит меня в постоянной нужде, поэтому я не в состоянии оказать надлежащую поддержку делу, в которое я глубоко верю. **Ник. К.**

МАЙНОТ, Н. Дакота. — Благодарю за № 44 "ДТП" и в счет подписки на журнал посылаю 2 д., так как средства мои весьма ограничены. **А.К.Д.**

АЛИКВИППА, Пенн. — В издательский фонд журнала "ДТП" посылаю 10 д. и желаю вам успеха в пропаганде идей безвластия и в деле борьбы за справедливость и социально-экономическое и политическое равенство. **И. Ма—ховец.**

ЧЕСТЕР, Пенн. — Из отчетов видно, что издание журнала "ДТП" обходится очень дорого. К сожалению, не всем из нас рабочих удается пристроиться на сносный заработок и оказывать своему журналу надлежащую поддержку. В фонд "ДТП" посылаю 1 д. Надеюсь, дела мои поправятся и пошлю больше. **Денис Веремейчик.**

НЬЮ ИОРК, Н. И. — В фонд журнала "ДТП" собрано по подп. листу 30 д. Жертвовали: И. Данилюк — 10 д., ВИД — 5 д., П. Б. — 5 д., И. Сэм — 5 д., С. Данилюк — 3 д., П. Вибричук — 1 д., за проданные номера журнала от И. Данилюка — 4 д. Итого — 33 д. **И. Данплюк.**

ДЕТРОЙТ, Мичиган. — Уважаемые товарищи! Посылаем вам 35 д., из коих за журнал — 20 д. и в издательский фонд журнала "ДТП" — 15 д.: Д. Савчук — 10 д. и И. Черный — 5 д. Издаем мы наш журнал с целью ведения анархической пропаганды. В нашем журнале встречаются иногда неудачные статьи, но наряду с ними есть много очень хороших статей. Мы должны любить наш журнал со всеми его недостатками, ибо он — единственный наш светоч, наше духовное детище, которым мы всегда должны дорожить и везде распространять среди русских колонистов. Постараемся же помочь своему журналу морально и материально с надеждой, что нам удастся улучшить его к общей радости всех товарищей на пользу безвластного движения.

Профсоюз г. Детройта.

Товарищи, издание журнала "ДТП" зависит всецело от вас, поэтому мы обращаемся к вам с настоятельной просьбой распространять журнал и оказывать ему денежную и моральную поддержку.

Поступили в Редакцию

Инж. К. А. КРЫЛОВ — Ход летних и осенних работ в СССР в 1953 году. Мюнхен. 1954. Исследования и материалы № 9. Издание Института по изучению истории и культуры СССР.

М. КОЛОСОВ — Комунистическая партия и советская армия. Исследования и материалы № 10. Мюнхен. 1954. Израние Института по изучению истории и культуры СССР.

БРУНО ТУШ — Преследование церкви в Польше. Исследование и материалы № 11. Мюнхен. 1954. Издание Института по изучению истории и культуры СССР.

"НОВЫЙ ЖУРНАЛ"—книга 37—под редакцией проф. М. М. Карповича; секретарь редакции — Р. Гуль. В книге 304 стр. Цена книги — 2 д. Годовая подписка — 7 д. за 4 книги. Адрес Редакции:
THE NEW REVIEW
223 W. 105 St., New York 25, N. Y.

"НАШ ПУТЬ" — ежемесячный анархический журнал на болгарском языке. Адрес Издательства:
M. Kouroriez Marcel,
36, Rue Poliveau, Paris 5, France.

"ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ" — двухнедельная либертарная газета на английском языке под редакцией Джона Голдштейна и Феликса Ортица. Цена отдельного номера 5 сентов. Подписная плата на год — 2 д, на полгода — 1 д. Адрес:
"Individual Action," Apt. 2 F,
15 Sheridan Sq., New York 14, N. Y.

"СВОБОДА" — еженедельная анархическая газета в Лондоне на английском языке. Адрес изд.:
Freedom Press,
27 Red Lion St., London, W.C.1, England

"ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ" — ежемесячная анархо-синдикалистская газета на английском языке, издаваемая Федерацией анархо-синдикалистов Британии. Адрес издательства:
"Direct Action,"
25a Amberley Rd., London, W.9, England.

"THE POLITICAL PHILOSOPHY OF BAKUNIN: Scientific Anarchism. By G. P. Maximoff. Preface by Bert Hoselitz, the University of Chicago. Introduction by Rudolf Rocker. Biographical Sketch of Bakunin by Max Nettlau. 434 pp. Glencoe, Illinois: The Free Press. 1953. $6.00.

Адрес издательства:
Maximoff Memorial Publication Committee
2422 N. Halsted St., Chicago 14, Ill.

...Научись человечество правильно мыслить, и наш мир сделался бы настолько же счастливым, насколько теперь он несчастен. Но народ не хочет знать той истины, которая освобождает, потому что она противна тем государственным и религиозным заблуждениям, с которыми он так свыкся. Чем вызывалось расстройство кооперативных колоний разного рода? Отнюдь не недостатком системы или замысла, а просто недостатками людей.—**Люси Малори.**

Финансовый Отчет Редакционной Коллегии "ДТП"

с 1-го апреля по 1-е июля 1954 г.

ПРИХОД

Поступило в фонд журнала	$126.00
Поступило за проданные номера	41.50
Остаток от 43-го номера	238.11
Итого	$405.61

РАСХОД

Издание и экспедиция № 44	$374.00
Почтовый ящик за полугодие	12.00
Помещение за 3 месяца	30.00
Итого	$416.00
Дефицит на 1 июля 1954 г.	$ 10.39

Каталог Книг

Книга—ваш лучший друг и собеседник. Только из книг вы можете получить точные сведения об интересующих вас предметах и учениях. Мы предлагаем вниманию читателей следующий список книг:

П. А. КРОПОТКИН: Хлеб и Воля	$1.50
— — Взаимная Помощь	1.00
— — Этика (в переплете)	1.25
— — (без переплета)	1.00
— — Речи бунтовщика	1.00
— — Современная наука и анархия	1.50
— — Великая Французская Революция	2.50
— — Анархия, ее философия и ее идеал	.15
Д-р П. ЭЛЬЦБАХЕР: Анархизм (в переп.)	1.50
Интернациональный Сборник—П. А. Кропоткин и его учение	1.00
ДЖ. ГИЛЬОМ: Интернационал	1.00
Е. ВОЙНИЧ: Овод. Роман из рев. жизни	1.75
ТОМАС ПЭЙН: Век Разума. Критика Библии	1.00
НОВОМИРСКИЙ: Что Такое Анархизм	.50
РАЕВСКИЙ: Анархо-Синдикализм	.25
НЕСТОР МАХНО: Русская Революция на Украине	1.00
МАКС НЕТТЛАУ: Очерки по Истории Анархических Идей (в переплете)	3.00
— — (без переплета)	2.00

Все заказы просим направлять по адресу:
DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

Солнечная Флорида зовет Вас навестить

Live Oak Farm, Inc.

ORANGE HOME

Route 1, Box 123

WILDWOOD FLORIDA

Tel. Wildwood 3571